

Глава 8

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» В ФОРМАТЕ ЗАСТОЯ (ИМЭМО В 70-е ГОДЫ)

Основные направления исследований

Научная деятельность ИМЭМО, как и всякого советского учреждения, строилась на плановой основе, определявшейся пятилетними и годовыми планами научно-исследовательских работ (НИР). Коррективы в эти планы могли вноситься директивными инстанциями (ЦК КПСС и СМ СССР), а также Президиумом Академии наук¹.

Разработка проектов пятилетних планов ИМЭМО осуществлялась вполне демократично. Она проходила через несколько этапов: определение основных направлений НИР Института в предстоящем пятилетии, программы научных исследований по каждому направлению, обсуждение отдельных частей проекта пятилетнего плана НИР и плана в целом в секторах, отделах, на Ученом совете и на расширенном заседании Дирекции. Такой порядок позволял всем научным сотрудникам быть в достаточной степени информированными о направлениях проводимых исследований и о перспективах работы Института.

На протяжении 70-х годов, включивших в себя две пятилетки, деятельность ИМЭМО осуществлялась по восьми строго определенным научным направлениям, обозначившимся еще в предыдущее десятилетие.

1. Современный капитализм. Его противоречия и тенденции развития в условиях борьбы двух систем, особенности общего кризиса капитализма на современном этапе.
2. Прогнозирование развития экономики, науки и техники, внутренних социальных процессов в капиталистическом мире и возможных изменений в международной обстановке.
3. Научно-техническая революция и эффективность хозяйства главных капиталистических стран.

¹ Параллельно Институт в оперативном порядке продолжал выполнять многочисленные внеплановые задания директивных органов, а также направлять туда инициативные записки и другие разработки.

4. Мировое капиталистическое хозяйство. Международные экономические отношения на современном этапе.
5. Основные тенденции развития международных отношений и борьба за упрочение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем.
6. Теоретические и политические аспекты проблем перехода от капитализма к социализму в современных условиях. Проблемы пролетарского интернационализма.
7. Национально-освободительное движение и пути развития стран Азии, Африки и Латинской Америки.
8. Критика буржуазных, реформистских, ревизионистских идеологических концепций экономического и социально-политического развития современного капитализма¹.

Приведенный перечень показывает, что и в 70-е годы в работе ИМЭМО немаловажное место занимал комплекс вопросов, порожденных пропагандистско-идеологическими императивами (необходимость изучения «общего кризиса капитализма» с его «неразрешимыми проблемами», поиски теоретического обоснования перехода от капитализма к социализму, разоблачение «несостоятельности» буржуазно-реформистских и иных концепций современного капитализма и т.д.).

Но ИМЭМО тем и отличался от многих советских научных центров гуманитарного профиля, что даже в условиях ужесточившегося в 70-е годы идеологического контроля находил возможности для творческого решения ставившихся перед ним, казалось бы, сугубо схоластических задач. Так, например, из работ сотрудников ИМЭМО, посвященных критике буржуазных теорий современного капитализма, заинтересованный читатель мог составить представление о развитии экономической мысли на Западе, о характере дискуссий между современными кейнсианцами и монетаристами, о концепции социального рыночного хозяйства и теории экономического роста, о новейших подходах западных экономистов к решению проблем инфляции и т.д.²

Заметным событием не только в советской, но и в мировой экономической науке стал выход в 1971 г. монографии старшего научного сотрудника ИМЭМО Ирины Михайловны Осадчей «Современное кейнсианство», переведенной и изданной впоследствии на десяти иностранных

¹ 1-е и 4-е направления НИР ИМЭМО были выделены в самостоятельные в 1976 г. См.: Материалы о работе ИМЭМО АН СССР за 1970–1974 годы // Архив ИМЭМО РАН; Справка об основных направлениях научно-исследовательской работы ИМЭМО АН СССР за период 1975–1980 гг. // Там же.

² См., например: Буржуазная политэкономия и экономическая политика / Отв. ред. А.Г. Милейковский. М., 1972; Критика современной буржуазной политэкономии. М., 1977; Пронин С.В. Буржуазные теории распределения и политика доходов. М., 1977; Пигулевская Е.А. Теория экономического роста в буржуазной политэкономии Японии. М., 1976.

языках¹. Это исследование очень высоко оценили в международном сообществе ученых-экономистов.

Из письма Джона Итуэлла, директора отделения экономических исследований в Тринити колледж (Кембриджский университет, Великобритания), адресованного издательству «Прогресс», выпустившему книгу И.М. Осадчей:

*«<...> Разрешите выразить мои поздравления по случаю издания велико-
ленной книги Ирины Осадчей «От Кейнса к неоклассическому синтезу»
(1974 год).*

*Эта книга является одним из лучших известных мне исследований раз-
вития теории «роста» после Кейнса и всех попыток неоклассических эконо-
мистов вновь ввести в экономику их устаревшие идеи (а также идеологию).*

*Эта книга будет одним из основных учебных пособий в Тринити кол-
ледже и будет рекомендована для обязательного чтения всем студентам
второго курса экономического факультета. <...>»².*

Наверное, никто из советских экономистов, после академика Е.С. Варги, не удостоивался подобного лестного отзыва, да еще с родины Адама Смита...

Главенствующим направлением теоретических исследований в ИМЭМО было изучение современного капитализма, его характерных особенностей и новейших тенденций развития. Не имея возможности выходить из определяемых коммунистической идеологией рамок концепции «загнивания капитализма», экономисты ИМЭМО, тем не менее, смогли существенно их расширить. В работах, опубликованных в 70-е годы, была воссоздана приближенная к реальности картина современного капитализма. И эта картина отнюдь не свидетельствовала о предстоящем крахе капиталистической экономики, хотя наши экономисты, по вполне понятным причинам, не скупилась на темные краски в изображении «хронических недугов» западной экономики³. Более того, даже в публиковавшихся сотрудниками ИМЭМО монографиях (не гово-

¹ В 1974 г. доработанный и дополненный вариант этой монографии — «От Кейнса к неоклассическому синтезу» — издали на английском и французском, а впоследствии на немецком, испанском, итальянском, португальском, болгарском, венгерском, польском и чешском языках.

² К этому письму было приложено еще одно, адресованное лично И.М. Осадчей, с поздравлениями и самой высокой оценкой ее труда. Оба письма датированы 21 марта 1975 года // Из личного архива И.М. Осадчей.

³ См.: *Иноземцев Н.Н.* Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972; Углубление общего кризиса капитализма / Отв. ред. *Н.Н. Иноземцев*. М., 1976; *Далин С.А.* Послевоенный государственно-монополистический капитализм в США. М., 1972; *Никитин С.М.* Проблемы ценообразования в условиях современного капитализма. М., 1972; *Глушков В.П.* Корпорации, государство, экономика. М., 1972; Экономический рост в условиях ГМК: проблемы и противоречия / Отв. ред. *А.Г. Милейковский, С.М. Никитин*. М., 1975; *Добровинский Н.Б.* Япония: факторы эффективности в развитии экономики. М., 1975; *Певзнер Я.А.* Япония: государство в экономике Японии. М., 1976; Особенности процесса накопления в главных капиталистических странах / Отв. ред. *Е.А. Громов*. М., 1978.

ря уже о закрытых разработках, адресованных «инстанциям») ставились вопросы прогнозирования перспектив развития «исторически обреченного» капитализма.

Центром теоретических исследований современного капитализма в ИМЭМО был сектор (затем — отдел) общих проблем империализма и критики буржуазных экономических теорий, поначалу возглавлявшийся д.э.н. Л.А. Мендельсоном, а затем членом-корреспондентом АН СССР (впоследствии академиком) А.Г. Милейковским.

Из воспоминаний доктора экономических наук Ирины Михайловны Осадчей:

«К началу 70-х годов в институте при самом активном участии А.Г. Милейковского была разработана по сути новая концепция капитализма, опиравшаяся на теорию государственно-монополистического капитализма и государственного регулирования капиталистической экономики (ГМК) и теорию нового этапа научно-технической революции (НТР), коренным образом изменившей техно-экономический базис современного капитализма. <...>

Опора именно на эти две теории и помогла вытащить из безнадежной ямы противоречий, несколько модернизировать марксистскую концепцию развития капитализма с его «загниванием», «обнищанием», «углублением антагонизмов». В результате теоретических исследований, базировавшихся на этих двух теориях, стало возможно объяснить и ускорение экономического роста, и повышение благосостояния широких слоев населения, и отсутствие больших кризисов, при этом не выходя за рамки марксистской парадигмы.

Такой подход позволил примирить догмы марксизма с реалиями развитого капитализма. Одним из примеров «примирения» была предложенная А.Г. Милейковским трактовка пресловутого «закона абсолютного и относительного обнищания трудящихся», который анализировался во многих учебниках, несмотря на его очевидные противоречия реальности. А.Г. Милейковский указывал, что этот закон преодолевается благодаря соревнованию двух систем, в ходе которого капиталисты вынуждены идти на уступки трудящимся. При таком объяснении от основных догм марксизма оставались только спасительное положение о «противодействующих тенденциях», благоразумно предусмотренных Марксом, и предположения, что по законам диалектики ГМК и НТР в конце концов придут в столкновение, обеспечив революционное преобразование капитализма, которое подобно построению коммунизма все более отодвигалось в далекое будущее. <...>

Надо сказать, что явные или не совсем явные изменения в подходах к анализу марксистской теории капитализма были связаны с острой политической борьбой во властных кругах. Это было время начавшейся разрядки международной напряженности, и в построении новой политической линии большое значение имела деятельность директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева, который особенно остро, а возможно даже трагически, ощущал

растущее отставание Советского Союза от уровня жизни развитых капиталистических стран. Чтобы преодолеть это отставание, нужна была совершенно иная степень открытости (выделено в тексте. — П.Ч.) во внешний мир. И именно в этом вопросе ключевую роль играла модернизация теории капитализма. Если в обществе открыто говорилось о разрядке и проводилась соответствующая политика, то внутри руководства шла жестокая политическая борьба, в которой позиции противников разрядки были очень сильны. Можно сказать, что это была борьба между ретроgrадами и реформаторами»¹.

К этому можно добавить, что в отделе общих проблем капитализма выросла целая плеяда глубоко мыслящих экономистов-теоретиков, опиравшихся в своих исследованиях на детальное знание мировых и страновых экономических реалий современного капитализма. Среди них в первую очередь следует назвать И.Г. Блюмина, С.М. Никитина, А.В. Аникина, В.И. Кузнецова, В.Н. Ше-наева и, разумеется, И.М. Осадчую, сменившую академика А.Г. Милейковско-го в качестве руководителя отдела. Аспирантом пришел в отдел Револьд Михайлович Энтов, ставший впоследствии действительным членом РАН, одним из ведущих российских экономистов.

Большое внимание в Институте уделялось изучению факторов обеспечения и стимулирования экономического роста на Западе, в частности, бюджетной, налоговой и монетарной политики. Ученые ИМЭМО анализировали особенности организации и управления международных корпораций, их деятельность в рамках национальных государственно-монополистических комплексов и диалектику взаимоотношений с правительствами, их роль на мировых рынках и в развивающихся странах. Серьезному изучению в Институте подвергались процессы, связанные с интенсификацией капиталистического хозяйства в условиях НТР, с эффективностью использования ресурсов материального производства, изменения в структуре производства и потребления, динамика и факторы повышения производительности труда. Глубоко и всесторонне исследовались новые явления в концентрации и централизации капитала, в движении финансового капитала и денежных потоков, особенностях ценообразования и инфляции. С конца 60-х годов постоянно проводился мониторинг состояния мировой валютной системы.

Результаты теоретического осмысления в ИМЭМО новых тенденций в развитии современного капитализма, выявленных в ходе многолетних исследований различных его аспектов, были обобщены в двухтомнике «Политическая экономия современного монополистического капитализма» (60 печатных листов), выпущенного издательством «Мысль» в 1975 г. под редакцией академика Н.Н. Иноземцева, члена-корреспондента АН СССР А.Г. Милейковского и д.э.н. В.А. Маргынова. Этот фундаментальный труд в 1977 г. был удостоен Государственной премии СССР.

¹ *Осадчая И.М.* Абрам Герасимович Милейковский // Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Очерки. Вып. 1. Волгоград, 2003. С. 20–22.

О значении этого принципиально важного для всей отечественной экономической науки труда вспоминает один из руководителей авторского коллектива академик В.А. Мартынов, директор ИМЭМО в 90-е годы:

«Сейчас трудно и объяснить и представить, каким вызовом всей официальной политической экономии стал сам отход авторского коллектива от категориальной логики I тома «Капитала» К. Маркса и схемы «Империализма, как высшей стадии капитализма» В.И. Ленина. Но дело, конечно, было не в этом или не столько в этом. «Политическая экономия современного монополистического капитализма» всем своим содержанием и пафосом была направлена против тех вульгарных воззрений о развитии современного капитализма, которые господствовали в учебной и пропагандистской литературе по политэкономии (об автоматическом крахе капитализма, о неизбежности углубления циклических кризисов, о производительном и непроизводительном труде, о сфере услуг и т.д.). Ее авторы — даже потому, что были тогда марксистами — были просто обязаны пересмотреть (по словам наших идеологических оппонентов, «подвергли ревизии») целый ряд устаревших и потерявших силу положений, выдвинутых в свое время К. Марксом и В.И. Лениным.

Так анализ данных о развитии капитализма после Второй мировой войны, проведенный в «Политической экономии...» не подтвердил, а скорее опроверг, в частности, выводы К. Маркса о таких закономерностях капиталистического развития, как закон роста органического состава капитала, абсолютный закон капиталистического накопления и абсолютного обнищания рабочего класса, тенденции нормы прибыли к понижению, раскола буржуазного общества на два класса: пролетариат и буржуазию, а также положений В.И. Ленина о законе преимущественного роста 1-го подразделения общественного производства по сравнению со 2-м, закона отставания сельского хозяйства от развития промышленности и ряд других.

Еще раз в этой связи стоит подчеркнуть, что «Политическая экономия...» не содержала ни ревизии, ни тем более отрицания марксистско-ленинского учения. Более того, для своего времени она стала — и это не преувеличение — венцом марксистской экономической науки в области исследования капитализма. В ее заключительной главе «Историческая неизбежность революционного низвержения капитализма», написанной Н.Н. Иноземцевым, он не только еще раз акцентировал внимание на тех выводах этой работы, которые говорили о новых явлениях в развитии капитализма и о значительных возможностях этой системы. В ней Н.Н. Иноземцев подчеркивал тезис о неизбежном углублении общего кризиса капитализма, наиболее глубоким и ярким проявлением которого является, как он писал, «сосуществование, соревнование, борьба двух мировых систем — социалистической и капиталистической». Он был глубоко убежден при этом в преимуществах системы социализма и ее конечной победе в мирном сосуществовании с капитализмом.

Сейчас можно и нужно, разумеется, это заключение «Политической экономии...» и самого Н.Н. Иноземцева воспринимать как историческую

ошибку.... Социализм не только не показал своих преимуществ перед капитализмом на стезе экономического соревнования, но и обнаружил свою историческую несостоятельность. Но это случилось гораздо позже, тогда же, в начале 70-х гг. Н.Н. Иноземцев и его многочисленные единомышленники, как в Институте, так и вне его верили (и боролись за это), что они смогут переломить уже тогда явно выявившиеся негативные тенденции социалистического развития с помощью реформ сверху. Как оказалось, эти верования были утопическими: партийная и советская бюрократия по своей природе была неспособна прислушиваться к голосу разума.

«Политической экономии современного монополистического капитализма» была присуждена Государственная премия, и в значительной мере в результате этого она стала действительным учебным пособием для большинства преподавателей политической экономии. Вот почему в той перестройке в умах молодого и не только молодого поколений советских людей, которая уже началась в конце 70-х гг., немалая роль принадлежит и этому труду о реальном капитализме»¹.

Важнейшим направлением НИР ИМЭМО в 70-е годы стало прогнозирование развития экономики, науки и техники, внутренних социальных процессов в капиталистическом мире и возможных изменений в международной обстановке. Усилия здесь были сосредоточены, прежде всего, на разработке методологии и методики прогнозирования², составлении фундаментальных средне- и долгосрочных прогнозов развития экономики, отдельных ее сфер и отраслей для развитых и развивающихся стран. Был выполнен ряд исследований, освещавших отдельные методы экономического прогнозирования³, а также подготовлены практические рекомендации и материалы для использования (включая программы для ЭВМ) некоторых конкретных методик прогнозирования («Прогнозирование на проблемных сетях», серия брошюр, посвященных методам статистического анализа и прогнозирования и др.).

Наиболее важной работой Института в области средне- и долгосрочного прогнозирования в первой половине 70-х годов был «Прогноз основных тенденций и направлений экономического развития капитализма до 1990 г.» в четырех томах. Прогноз был выполнен и разослан в заинтересованные инстанции в 1972 году. В 1975-м он был скорректирован и дополнен. В этом фун-

¹ Из воспоминаний академика В.А. Мартынова, любезно предоставленных им в распоряжение автора.

² См.: Прогнозирование капиталистической экономики. Проблемы методологии. М., 1971; Вопросы комплексного прогнозирования / Отв. ред. Л.М. Громов, Е.М. Четыркин. М., 1975; Комплексное прогнозирование в экономике и международных отношениях. Вып. 2 / Отв. ред. Л.М. Громов, Е.М. Четыркин. М., 1976.

³ См.: Проблемы экономического моделирования. М., 1972; Многомерные классификации в социально-экономических исследованиях. М., 1973; Межотраслевой баланс в исследовании капиталистической экономики / Отв. ред. Е.М. Четыркин. М., 1974; Модели экономического роста / Отв. ред. А.А. Рывкин. М., 1975.

даментальном труде, на базе анализа тенденций в международной обстановке и социально-политических процессов, протекавших в западных обществах, были исследованы и освещены главные факторы, проблемы и перспективы общего развития экономики Запада в целом, а также ведущих промышленно развитых и развивающихся стран, содержались прогностические оценки их важнейших общехозяйственных показателей, материального производства, главных его комплексов и отраслей. Необходимость проведенной в 1975 году корректировки прогноза была вызвана начавшимся процессом разрядки международной напряженности, а также новыми кризисными явлениями и процессами в западной экономике (прежде всего — поразившим ее энергетическим кризисом).

В 1972–1974 гг. ИМЭМО подготовил и издал работу «Динамика, структура и эффективность основного капитала и капитальных вложений в США, ФРГ и Японии. Тенденции развития за 1950–1970 гг. и прогноз до 1990 г.» (в двух книгах). В этом исследовании на основе оценок хода и результатов инвестиционного процесса на общехозяйственном уровне и по главным отраслям экономики указанных стран за 1950–1970 гг. был разработан прогноз динамики до 1990 г. размеров основного капитала и капиталовложений, фондоемкости и капиталоемкости продукции, показателей интенсивности формирования и использования основных фондов в этих трех государствах.

В течение второй половины 70-х годов Институтом был подготовлен ряд крупных прогностических исследований, которые вошли в Комплексную программу развития энергетики СССР до 2000 г. и в Комплексную программу научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу до 2000 г. В 1978 г. «в инстанции» был разослан прогноз «Основные тенденции и направления развития экономики капитализма до 2000 г.».

Во всех этих исследованиях были даны оценки перспектив научно-технического прогресса ведущих стран Запада, инвестиционного процесса и капитального строительства, роста производительности труда, динамики материалоемкости продукции, состояния мирохозяйственных связей и возможных перемен в их структуре, прогнозы экономического и социально-политического развития США, Японии и ведущих стран Западной Европы, а также развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Из воспоминаний академика В.А. Мартынова о работе в области экономического прогнозирования:

«Наибольший резонанс в политических кругах... получил четырехтомник «Прогноз основных тенденций и направлений экономического развития капитализма до 1990 года».

Во-первых, он был разослан по самому широкому тогда списку адресатов. С ним могли и даже должны были, например, ознакомиться ведущие сотрудники Госплана СССР.

Во-вторых, в партийных кругах было хорошо известно, что Н.Н. Иноземцев докладывал основные положения Прогноза на совещаниях у Л.И. Брежнева (тогда шла подготовка к (так и несостоявшемуся) Пленуму ЦК КПСС по

научно-техническому прогрессу). Живой отклик получили научные доклады Н.Н. Иноземцева по материалам Прогноза на Президиуме АН СССР и Коллегии МИДа, проходившей под председательством А.А. Громыко (члена Политбюро, министра иностранных дел СССР). Свою роль в привлечении внимания к Прогнозу сыграли и встречи Н.Н. Иноземцева с председателем Госплана СССР Н.К. Байбаковым и его заместителями.

В-третьих, первый том (ответственным редактором которого был сам Н.Н. Иноземцев) представлял краткое содержание и выводы всего исследования и был, что немало важно, написан в расчете на специфического читателя — партийного и советского работника высокого ранга.

В-четвертых, и это главное, выводы Прогноза существенно расходились с теми представлениями о капитализме, которые были вбиты пропагандой со сталинских времен в головы советских людей, невзирая на занимаемые ими должности и посты. Так, авторы Прогноза, говоря кратко, в своих выводах исходили из вероятности не замедления, а ускорения в предстоящие 20 лет научно-технического прогресса в развитых капиталистических странах, не кризиса, а интенсивного развития государственного монополистического капитализма, обращая при этом внимание не на провал, а на определенные успехи социально-экономической политики капиталистических государств, достигнутые на основе перераспределения национального дохода, расширения регулирования и использования программирования всего социально-экономического процесса. Авторы Прогноза подчеркивали также все большую значимость в экономическом развитии не обострения межимпериалистических противоречий, а роста мирохозяйственных связей, международного разделения труда.

Практически специально для руководящих работников Госплана в 1-й том были включены краткие резюме Прогноза о развитии главных отраслей экономики капиталистических стран на перспективу до 1990 г. (с таблицами и диаграммами). Более или менее хорошо представляя положение в советской экономике (замедление темпов прироста ВВП, отсталая отраслевая структура, продолжающийся рост материалоемкости и фондоемкости продукции, увеличивающийся удельный вес добывающих отраслей и капитального строительства, тяжелое состояние сельскохозяйственного производства, неразвитость сферы услуг, низкая доля личного потребления ВВП), авторы Прогноза — вольно, а чаще всего невольно — фактически противопоставили этому состоянию экономики СССР тенденции экономического развития капиталистических стран ... Авторам Прогноза с каждым очередным его выпуском приходилось констатировать все большее отставание советской экономики от западной.

В этой связи одно субъективное суждение. До сих пор продолжаю настаивать на том, что в начале 70-х гг. Н.Н. Иноземцев, так же как и большинство ученых ИМЭМО, наивно (что понятно сегодня) полагали, что Прогноз основных тенденций и направлений экономического развития капитализма, строго научно и объективно предсказывающий наступательный его рост, даст сигнал тревоги высшему руководству страны о положении дел в нашей соб-

ственной экономике, верили, что в силах руководства были реальные возможности осуществить разворот страны в сторону ускорения НТП, реструктуризации экономики и повышения ее эффективности. Однако эти надежды весьма скоро разбились тогда и о неприступные скалы военно-промышленного комплекса, подмявшего под себя экономику страны, и о полную неспособность партийной и государственной бюрократии к самореформированию»¹.

В 70-е годы продолжалась работа по совершенствованию, в том числе с учетом возможного использования ЭВМ, методических основ долгосрочного комплексного прогнозирования и, в частности, тех его методов, которые были наиболее приспособлены для оценки вероятных результатов существенных изменений в факторах и характере развития капитализма (экспертное прогнозирование, имитационное, эконометрическое и адаптивное моделирование и др.). Был предложен ряд конкретных моделей, предназначенных для изучения проблем развития экономики ведущих стран Запада, а также развивающихся стран (энергетическая модель США, модель экономики развивающейся страны, модель внешней торговли ФРГ и т.д.). Специалистами ИМЭМО были разработаны соответствующие программы для проведения расчетов на ЭВМ-ЕС-1010. На основании полученных результатов были сформулированы выводы о границах и возможностях использования данных моделей в анализе экономики западных стран.

В поле пристального внимания исследователей ИМЭМО в 70-е и в последующие годы постоянно находились вопросы развития научно-технической революции, значительно повысившей эффективность хозяйства ведущих промышленно развитых стран Запада². Работы на этом направлении имели особую практическую значимость: показать основные, наиболее перспективные пути развития научно-технического прогресса для обеспечения большей эффективности непереворотливой и забюрократизированной советской экономики, а также для ускоренного развития науки и техники в СССР.

В рамках данного научного направления ученые ИМЭМО сосредоточили внимание на следующих аспектах и проблемах развития НТР:

- сопоставление показателей развития экономики ведущих промышленно развитых стран и исследование особенностей экономического соревнования СССР и Запада;
- изучение экономических критериев научно-технического прогресса и анализ экономического механизма развития науки и техники в передовых западных странах;

¹ Из воспоминаний академика В.А. Мартынова.

² См.: Современная научно-техническая революция в развитых капиталистических странах: экономические проблемы / Отв. ред. В.М. Кудров. М., 1972. Это была первая обобщающая работа по этой теме, подготовленная в ИМЭМО. См. также: Противоречия экономического развития в условиях ГМК / Отв. ред. А.Г. Милейковский, С.М. Никитин. М., 1975; Научная деятельность и технический прогресс в крупнейших капиталистических странах / Отв. ред. В.В. Зубчанинов. М., 1976; Информационные системы в промышленных фирмах США / Отв. ред. В.В. Зубчанинов. М., 1976.

- исследование эффективности использования ресурсов производства в основных функциональных комплексах материальной сферы и прогнозы на длительную перспективу;
- изучение новых организационных форм управления производством на примере крупнейших промышленных фирм США и стран Западной Европы и основных концепций создания автоматизированных систем управления и развития электронно-вычислительных сетей коллективного пользования;
- проблемы повышения эффективности сельскохозяйственного производства промышленно развитых стран, формирования аграрно-промышленных комплексов (АПК) и аграрно-промышленных объединений (АПО) в США и Западной Европе, прогнозирование развития сельскохозяйственного производства в ведущих капиталистических странах, мировая продовольственная проблема.

В исследованиях, проведенных в ИМЭМО в первой половине 70-х годов, был проанализирован механизм государственно-монополистического регулирования, обеспечивший структурную перестройку экономики в соответствии с тенденциями НТР¹. В этой связи значительное внимание было уделено технико-экономическим сдвигам в материально-технической базе современного капитализма. Исследованы проблемы фондоемкости и материалоемкости производства. Проведен анализ важнейших факторов развития сферы услуг².

На основе анализа закономерностей процесса формирования производственных мощностей в промышленности ведущих стран Запада были выявлены методы ускорения процесса создания мощностей, сокращения издержек их формирования, пути их эффективного использования, определена экономическая эффективность интенсификации отдачи производственных мощностей в целом³.

Глубокому изучению были подвергнуты методы государственного стимулирования научных исследований в промышленно развитых странах, формы их финансирования, рассмотрены организационные формы научных иссле-

¹ См.: США: экономические рычаги в управлении фирмами / Отв ред. С.М. Меньшиков. М., 1971; Минервин И.Г. Формы и методы управления кадрами в крупных промышленных фирмах США. М., 1974; Крейсберг М.М. Системный подход в управлении (опыт крупных промышленных корпораций США). М., 1974; Разумнова И.И. Управление заводами в концернах США. М., 1975; Барабанов М.В. Изменение структур конечного общественного продукта главных капиталистических стран. М., 1975.

² См.: США: сфера услуг в экономике / Отв. ред. Е.А. Громов. М., 1971; Федоров В.П. Личное потребление в ФРГ: социальная дифференциация, динамика, структура. М., 1974; Заглядина С.М. Обращение товаров и услуг в экономике США. М., 1975.

³ См.: Ночевкина Л.П. Развитые капиталистические страны: проблемы интенсификации промышленности. М., 1971; Григорьев А.Д. США: научно-технический прогресс и эффективность использования промышленных конструкционных материалов. М., 1972.

дований и разработок, характер связи между наукой и промышленностью, методы внедрения в производство научно-технических достижений¹.

Были проведены исследования технико-экономического уровня развития новых наукоемких отраслей промышленности, основных направлений прогресса и путей распространения научно-технических достижений из новых отраслей в остальные сферы экономики.

На основе изучения передового западного опыта в ИМЭМО были разработаны предложения о новом хозяйственном механизме планирования и экономического стимулирования в промышленности СССР, о мерах по ускорению развития в СССР промышленности группы «Б», проведен сравнительный анализ расхода черных и цветных металлов в машиностроении СССР и США и по результатам этого анализа в ЦК КПСС и СМ СССР были направлены соответствующие предложения. Специалистами Института были изучены проблемы химизации в промышленности развитых западных стран.

Серьезное внимание в ИМЭМО уделялось изучению направлений научно-технического прогресса в сельскохозяйственном производстве ведущих стран Запада: вопросам накопления и индустриализации сельского хозяйства; специализации и организации сельскохозяйственных предприятий; государственному регулированию сельхозпроизводства; эволюции земельной ренты и аграрных отношений; аграрным кризисам перепроизводства и т.д.²

Экономисты-аграрии из ИМЭМО на опыте США и других высокоразвитых стран впервые в советской экономической науке проанализировали состояние производственных связей между сельским хозяйством и сопряженными с ним отраслями экономики³, обосновали экономические и социальные процессы создания народно-хозяйственного аграрно-промышленного комплекса (АПК) и аграрно-промышленных объединений (АПО) в отдельных отраслях сельского хозяйства. Были разработаны прогнозы производства продовольствия и сырья в США и Западной Европе.

¹ См.: *Иванов Н.П.* Научно-техническая революция и вопросы подготовки кадров в развитых странах капитализма. М., 1971; *его же.* Научно-техническая революция и проблемы структуры рабочей силы (развитых капиталистических стран). М., 1977; *Филлиповский Е.Е.* Патентная система и научно-технический прогресс в капиталистических странах. М., 1972; *Зубчанинов В.В.* Научная деятельность и технический прогресс в производстве крупнейших капиталистических стран. М., 1975; *Бушмарин И.В.* Развитие капиталистические страны: проблемы использования трудовых ресурсов. М., 1975; *Хлынов В.Н.* Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции. М., 1977..

² См.: *Мартынов В.А.* Сельское хозяйство США и его проблемы (научно-техническая революция и аграрные отношения). М., 1971; *Фактор Г.Л.* Технический переворот и структурные сдвиги в сельском хозяйстве Западной Европы. М., 1977; *его же.* Западная Европа: агропромышленный комплекс (экономические и социальные проблемы). М., 1977; *Андреева Н.М.* США: специализация сельского хозяйства. М., 1974; *Последствия НТР в сельском хозяйстве Западной Европы/ Отв. ред. В.А. Мартынов, В.А. Морозов. М., 1975; Тулупников А.И.* Научно-технический прогресс и эффективность животноводства в США. М., 1977.

³ США: современные экономические связи промышленности с сельским хозяйством. М., 1972.

С середины 70-х гг. Институт, опираясь на разработки предыдущих лет, широко развернул исследования по мировой продовольственной проблеме: истоки, причины и характер продовольственного кризиса, пути его преодоления, экономические и политические аспекты торговой политики основных стран-экспортеров продовольствия и сырья.

Изучение вопросов управления экономикой в ведущих странах Запада в ИМЭМО носило не отвлеченно-академический характер, а велось применительно к решению проблем развития в СССР производственных и всесоюзных промышленных объединений в целях повышения их эффективности. Так, в 1971–1974 гг. исследования новых организационных форм управления производством проводились применительно к разработке генеральной схемы управления предприятиями Министерства электротехнической промышленности СССР (хозрасчетная тема). Разработанные Институтом рекомендации по образованию хозрасчетных объединений с использованием опыта крупных американских компаний были практически использованы при создании генеральной схемы управления данной отраслью.

В результате обследования ряда заводов электротехнической промышленности были разработаны предложения по генеральной схеме отрасли и типовой структуре всесоюзных производственных объединений (для Министерства электротехнической промышленности).

В 1974–1975 гг. в ИМЭМО совместно с Госкомиздатом СССР были разработаны теоретические основы и выработана программа работ по созданию единой всесоюзной автоматизированной информационно-координационной системы управления печатью страны.

Работы по изучению последствий НТР для развития экономики промышленно развитых стран, начатые на рубеже 60–70-х гг., успешно продолжались в течение всего десятилетия. В них сочеталось детальное изучение западного опыта с попытками руководства ИМЭМО убедить Инстанцию в необходимости внедрения его, оправдавших себя и наиболее перспективных достижений, в плановую советскую экономику.

В течение второй половины 70-х гг. исследования велись по таким важным аспектам НТР, как: образование в ведущих странах Запада единого комплекса «наука — техника — производство»; процесс превращения науки в непосредственную производительную силу и возрастания ее роли в экономическом развитии; основные направления научно-технического прогресса и происходящие на этой основе структурные сдвиги в производстве; особенности интенсивного метода воспроизводства в капиталистических странах; сдвиги в характере трудовой деятельности человека; процесс углубления интернационализации общественного производства и появление новых проблем в западных обществах; возникновение так называемого «технологического неокOLONиализма» и др.

Институтом был проведен сравнительный анализ важнейших параметров экономического развития главных капиталистических стран, проведены сопоставления конечного общественного продукта, численности рабочей силы,

капитальных вложений, производительности труда и структурных сдвигов в экономике США, Великобритании, ФРГ, Франции, Японии. Сопоставление совокупности этих показателей позволило сделать выводы об изменении в соотношениях уровней их экономического развития.

На базе разработанных в 1979 г. методологических принципов сопоставления основных народнохозяйственных показателей СССР и США, в ИМЭМО был подготовлен целый ряд аналитических материалов, в частности, «Сопоставление показателей развития промышленности СССР и США за 1966–1979 гг.» и «Эффективность использования металла в СССР и США».

Для центральных хозяйственных органов (Госплан, ГКНТ, Госстрой и Госнаб) Институт в конце 70-х годов подготовил ряд рекомендательных разработок, в том числе: об опыте использования вторичных ресурсов в материальном производстве передовых западных стран; о расходах некоторых видов материалов и топлива; об электроемкости промышленного производства и др. Исследования основных направлений научно-технического прогресса в отраслях топливно-энергетического комплекса капиталистических стран позволили ИМЭМО дать практические рекомендации по повышению эффективности ТЭК СССР (в повышении нефтеотдачи пластов, переработки и облагораживании угля, экономии энергоносителей и др.).

В мае 1979 г. Институт организовал и провел международную теоретическую конференцию о влиянии НТР на современный капитализм с участием 63 видных экономистов и политологов из 32 стран. В подавляющем большинстве они были марксистами. Состоявшиеся на конференции дискуссии получили одобрение в Международном отделе и даже в отделе науки ЦК КПСС, где обычно не скрывали неприязни к «ревизионистам» из ИМЭМО. По всей видимости, Н.Н. Иноземцев посчитал это обнадеживающим фактом, чтобы со всей остротой поставить перед руководством КПСС вопрос об опасном отставании СССР в деле освоения достижений НТР и о необходимости принятия неотложных мер по преодолению этого отставания. Он выступал по этому вопросу на одном из пленумов ЦК, но не был там поддержан, о чем еще будет сказано. Ретроградно-консервативная верхушка правящей партийной элиты не желала даже слышать о реформах — ни политических, ни экономических.

В 1976 г., как уже отмечалось, в плане НИР ИМЭМО появилось новое самостоятельное направление — «Мировое капиталистическое хозяйство. Международные экономические отношения на современном этапе». Общее руководство исследованиями в этой области осуществляла доктор экономических наук М.М. Максимова.

Прежде всего исследователи занялись разработкой самой категории — «мировое хозяйство», анализом его социально-экономической структуры, главных факторов развивающейся интернационализации хозяйственной жизни. Полученные результаты позволили вскрыть причины возникновения глобальных проблем мирового развития, их природу, основные признаки, особенности проявления в различных социально-экономических условиях. Были проанализированы новейшие тенденции в международных экономических отношениях современного капитализма, исследованы особенности кри-

зиса валютной системы капитализма и отличительные черты нового валютного механизма, сложившегося к началу 80-х годов¹. Продолжались начатые в середине 50-х годов исследования интеграционных процессов в Западной Европе, тенденции к расширению ЕЭС, а также влияния последнего на развитие общеевропейского экономического сотрудничества. Проведенные в ИМЭМО исследования уже к началу 80-х годов выявили тенденцию к глобализации мирохозяйственных связей, ставшую определяющей на рубеже XX—XXI столетий.

В Институте была разработана серия конкретных предложений в области развития внешнеэкономических связей СССР, были сформулированы рекомендации о путях решения проблем производственной и научно-технической кооперации с капиталистическими странами, развития экспортной базы страны, активизации роли СССР в международных валютных вопросах, обеспечения научно-технической и внешнеэкономической безопасности. Только за период 1976–1980 гг. в ИМЭМО было подготовлено 17 монографий и 180 аналитических записок по этому важнейшему направлению исследований.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

«Идея создать в Институте отдел внешнеэкономических проблем капитализма (позже, по инициативе Н.Н. Иноземцева, преобразован в отдел международных экономических отношений) была подсказана самой жизнью, потребностями нашего государства. Мы ломали голову над тем, почему наша страна столь сильно отстает в развитии международных экономических связей, в то время как мировой экспорт растет в два и более раза быстрее, чем совокупный валовой продукт капиталистического мира? В чем причины бурного развития транснациональных корпораций? Как объяснить успехи развивающихся стран, вставших на путь капиталистического развития (оказалось, что именно интенсивное включение в международное разделение труда стало одним из решающих факторов их внутреннего экономического развития)? Кстати, многие тогдашние вопросы не потеряли актуальности и в наши дни.

Тридцать лет назад мы пришли к очевидному выводу: нельзя решать на уровне государственного чиновника вопросы о том, какую продукцию импортировать и какую экспортировать. Необходимо предоставить право конкурентоспособным предприятиям самостоятельно выходить на внешний рынок. Подобные идеи отвечали духу «косыгинской реформы», к сожалению, потерпевшей неудачу. Многие, и не без основания, усматривали в наших предложениях посягательство на государственную внешнеторговую монополию, за что нам крепко доставалось. До сих пор кое-кто напоминает нам: «вот если бы либералы из ИМЭМО не вели «подрывную работу», то с приходом Горбачева, а затем Ельцина, мы не отказались бы от государственного планирования внешней торговли».

¹ Валютная система современного капитализма (основные тенденции и противоречия) / Отв. ред. О.С. Богданов. М., 1976.

С большими трудностями мы столкнулись при исследовании международных валютно-финансовых отношений. Дело в том, что сведения о платежном балансе страны, ее золотых запасах, валютных поступлениях в бюджет, уровне инфляции (официально утверждалось, что ее не может быть в условиях плановой экономики) находились под строжайшим секретом. И уж полной крамолы считались любые идеи, касающиеся перспектив конвертируемости советского рубля. Отдел не только регулярно информировал «инстанции» о положении на мировых валютных рынках, давал краткосрочные прогнозы мировых цен на золото, но и организовал изучение зарубежного опыта введения конвертируемости национальных валют. Трудно поверить, но уже тогда у нас работал старший научный сотрудник, специально занимавшийся вопросами конвертируемости рубля. И как же пригодились его исследования в начале 90-х годов, когда решение этой проблемы встало в повестку дня новой России.

Развитие международного сотрудничества СССР объективно требовало новых подходов к оценке таких категорий как мировое хозяйство, международная интеграция, транснациональные корпорации, глобальные проблемы (предвестники глобализации). Марксистские догмы и постулаты на этот счет были в то время особенно прочны. Казалось, ни о какой открытой дискуссии не могло быть и речи. Тем не менее, научные споры, сопоставление разных точек зрения, хотя и прикрытых марксистской фразеологией, были нормой работы Института. Отделу в этом отношении повезло: в основном, молодежный по своему составу, он располагал группой сильных талантливых экономистов-международников, не скованных марксистскими догмами.

Один из ярких представителей последних — Павел Игнатьевич Хвойник, доктор экономических наук, профессор, крупный специалист по международной торговле и ТНК, автор ряда монографий. Он первым среди советских экономистов выступил против догматического тезиса о так называемом «неэквивалентном обмене» на мировом рынке как чуть ли не главной причине отсталости развивающихся стран. Ему же принадлежит заслуга в разработке первых в ИМЭМО долгосрочных прогнозов развития международной торговли и внешнеэкономических связей СССР.

В числе тех, кто одними из первых возглавил новые научные направления и составлял ядро отдела — будущий член-корреспондент РАН Иван Сергеевич Королев, взявший затем «эстафетную палочку» от М. Максимовой в 1985 году и сохранивший отдел до наших дней, ныне — заместитель директора ИМЭМО. Следует назвать доктора наук, профессора Юрия Витальевича Шишкова, ставшего известным в стране и за рубежом ученым, лауреатом Международной академической премии, автором крупных работ по мировой экономике и международной интеграции, одного из «старейшин» ИМЭМО. Это и Александр Иванович Бельчук — ныне доктор наук, профессор, и Райер Райерович Симонян, и другие...

Нам удалось привлечь к работе Германа Германовича Дилигенского и его отдел в разработке проблемы прав человека, что по тем временам считалось чистой крамолы. Надо отдать должное Дилигенскому. Он совершенно

по-новому взглянул на эту проблему. Мы рассматривали права человека как составную часть глобальной проблематики. У всех людей — на Западе или Востоке, Севере или Юге — существует общность интересов во многих областях: личная безопасность, безопасность на производстве, безопасность, связанная со здоровьем, с охраной окружающей среды и т.д. Подобные «крамольные» мысли, высказывавшиеся нами в публикациях и в разработках, адресованных в директивные инстанции, противоречили тогдашним идеологическим установкам о том, что социализм сформировал человека «нового типа» — своего рода «homo soveticus», как говорили о нас на Западе, — отличного от других, живущих в капиталистическом обществе людей. Всеми этими, а также другими вопросами и занимался наш отдел»¹.

Важнейшим направлением в деятельности ИМЭМО в 70-е годы продолжало оставаться исследование основных тенденций и новых явлений в развитии международных отношений. Общее руководство этим направлением осуществлял заместитель директора Института Е.М. Примаков, а после его перехода в 1977 г. в Институт востоковедения АН СССР — О.Н. Быков.

В теоретическом плане эти исследования концентрировались на проблемах методологии науки о международных отношениях, на вопросах специфической методики изучения и прогнозирования международно-политических процессов, на изучении системы и структуры международных отношений. Изучение этих и других проблем велось в созданном по инициативе Н.Н. Иноземцева в 1969 г. секторе теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений. Сектор возглавил доктор исторических наук Владимир Израилевич Гантман. К работе в этой области были привлечены и другие ведущие сотрудники отдела международных отношений (О.Н. Быков, Д.Г. Томашевский, Д.Е. Меламид, Э.А. Поздняков, В.В. Размеров).

Научный коллектив сектора В.И. Гантмана начал свою деятельность с изучения уже существовавших в западной политической науке теорий и концепций международных отношений², а затем приступил к собственным теоретическим изысканиям в данной области³.

С 60-х годов среди советских обществоведов дискутировался вопрос о том, существует ли вообще наука о международных отношениях? Многие не склонны были признавать за ней право на самостоятельное существование, «приписывая» международные отношения разве что к области исторических наук. А догматики из среды «научных коммунистов» так и вовсе не находили этой науке места в системе общественных наук. Академику

¹ Запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

² Современные буржуазные теории международных отношений (критический анализ) / Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1976.

³ Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976; он же. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986; Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. М., 1984; Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. М., 1983.

Н.Н. Иноземцеву пришлось приложить немалые усилия, для того чтобы переломить идеологические предубеждения в отношении науки о международных отношениях.

И, тем не менее, победа Иноземцева не была полной и окончательной. Ему так и не удалось реализовать свою заветную мечту, над воплощением которой долгие годы трудился коллектив ученых-международников ИМЭМО. Речь идет об издании фундаментального труда «Основы теории международных отношений», первый вариант которого был завершён в конце 1975 года. Впоследствии он неоднократно дорабатывался и переписывался, но так и не был издан¹. Почему же?

Из воспоминаний одного из авторов этого труда Николая Алексеевича Косолапова, бывшего помощника Н.Н. Иноземцева:

«Объяснение, на мой взгляд, и неожиданно, и банально. Теория международных отношений не могла пробиться в СССР (не только в те годы, но видимо, вообще) главным образом по сочетанию трех причин.

Прежде всего, ее создание требовало творческого развития теории и методологии марксизма, что само по себе уже было идеологическим вызовом, граничащим с ревизионизмом и другими смертными грехами. Такого развития, постоянно рассуждая о нем, на деле элементарно боялись. Причем тон здесь задавали вовсе не те, кто — справедливо или нет, — усматривал в перспективе подобного развития различного рода угрозы, но прежде всего догматически мыслящая часть партии, идеологических секторов ее аппарата (как гражданского, так и в силовых ведомствах), и немалая часть самого же академического сообщества². К тому же нередко все эти части были представлены одними и теми же, тесно связанными друг с другом людьми, в силу служебного положения имевшими возможность выдавать всякую угрозу их личным позициям за покушение на КПСС, социализм, марксизм-ленинизм и на советскую систему.

Другая, более существенная причина заключалась в том, что всякая теория ограничивает возможный произвол того, кто признает ее в этом качестве. В данном случае теория международных отношений объективно

¹ За 10 лет (1975–1985 гг.) было подготовлено 10 вариантов этого труда.

² Ярким примером подобного страха может служить подробно описанная на протяжении последних лет в СМИ история песни Д. Тухманова на слова В. Харитоновна «День Победы». Читатели старших поколений наверняка хорошо помнят эту песню, в тексте и музыкальном строе которой при всем желании и ни под каким микроскопом не найти даже слабого намека на какие-либо второй план, текст между строк, рождаемые песней «нездоровые ассоциации» и прочие идеологические прегрешения. Хорошее, талантливое, патриотическое и при этом абсолютно «советское» произведение. Тем не менее песня несколько лет была под запретом, и потребовались немалые ухищрения, мужество и риск, чтобы протащить ее в эфир и в свет (см. «Независимая газета», 2002, 17–18 мая. С. 9). Подобного рода примеров было в 1970-е — начале 1980-х годов нарастающее множество, во всех сферах, и говорили они об углублявшемся идиотизме системы, впадавшей в идеологический и бюрократический ступор. — Н.К.

вырастала бы (пусть не сразу, а со временем) в такой ограничитель по отношению к КПСС, причем не где-нибудь, а в самых центральных направлениях идеологии, миропонимания и практической внешней политики партии. Конечно, насколько я могу судить, никто и никогда не формулировал встречное требование никак, никогда и ничем не ограничивать абсолютизм власти партии (абсолютизм, надо признать, номинальный; на практике власть в период «позднего Брежнева» все быстрее утекала у партии из рук, и именно это положение многих устраивало и осознанно защищалось ими под прикрытием ортодоксальных идеологических лозунгов). Но любые явные и предполагаемые посягательства на эту власть пресекались, шли ли они от мира искусства, от научных теорий или из иных, небюрократических сфер.

Теория международных отношений явно подпала под подозрения в этом плане, и это было даже по-своему закономерно. Но в науке она была далеко не первой и не единственной «пострадавшей» на этой почве. Да и «пострадала» она только тем, что публичное появление отечественной теории оттянуто уже на XXI век, когда можно говорить в лучшем случае о еще сохраняющейся возможности вклада в отдельные разделы теории, но не о создании теории в целом. Но никого не посадили, даже не сняли с должностей, не отстранили от работы.

Можно вспомнить куда более трагичные страницы отечественных психологии, генетики, биологии. Можно вспомнить, что вся будущая гордость советских власти и науки — авиация, ракетостроение, космос, атомная промышленность, — вышли из «шарашек» ГУЛАГа.

О нелегкой судьбе отечественной науки о международных отношениях размышляет член-корреспондент РАН Олег Николаевич Быков, бывший заместитель директора ИМЭМО:

«Наука о международных отношениях существует, поскольку существует предмет ее изучения — глобальная система международных отношений. Система, сложившаяся в рамках всемирного исторического процесса, но во многом самостоятельная, трансформирующаяся в соответствии не только с основными закономерностями общественного развития, но и своими специфическими особенностями. Как сложная целостная система международные отношения находятся в прямой зависимости от внешней среды — мирового бытия каждой исторической эпохи и вместе с тем оказывают существенное обратное влияние на политику государств и всего международного сообщества.

Возникновение теории, вернее, теорий международных отношений можно отнести к середине XX века. Вполне понятно, атмосфера взаимной враждебности в период «холодной войны» не способствовала адекватному отражению действительности. С обеих противостоящих сторон объек-

¹ Из воспоминаний Н.А. Косолапова, любезно предоставленных в распоряжение автора.

тивными теоретическим разработкам мешало субъективное восприятие тогдашней конфронтации в духе идеологической нетерпимости.

Советская историография, подчиненная целям пропагандистской борьбы, испытывала на себе сковывающее давление диктатуры тоталитаризма. Толкование всего мирового развития предписывалось втискивать в прокрустово ложе догм «научного коммунизма», несмотря на их кричащее несоответствие с реальностями.

Тем значимей заслуга академика Н.Н. Иноземцева в том, что вопреки всем преградам он дерзнул инициировать создание отечественной науки о международных отношениях. Под его руководством в 1-м томе коллективного труда исследователей ИМЭМО «Международные отношения после Второй мировой войны» (1962 г.) было впервые сформулировано исходное положение о международных отношениях как о целостной системе взаимосвязей на мировой арене, развивающейся и действующей по своей, только ей присущей логике. Само собой разумеется, построение теории приходилось соотносить с жесткими требованиями господствующей идеологии, что не могло не деформировать результаты научного процесса. Но все-таки живые ростки творческого исследовательского подхода пробивались сквозь толщу железобетонного покрытия догматизма.

Появлялись отдельные элементы и целые блоки системной концепции, которая закладывала фундамент молодой науки о международных отношениях. Однако тогда, в глухое застойное время завершить начатое дело не удалось.

Что же помешало? Неужели нерешительность академика Иноземцева?

Как раз наоборот, именно его принципиальность и решимость — не приносить науку в жертву идеологии и политике. Помнится, как незадолго до своего трагического ухода Николай Николаевич сокрушался по поводу того, что теория международных отношений у нас не складывается. «Позор нам!» — сказал он, а после тяжелого раздумья добавил: «А, может быть, еще большим позором окажется то, что мы все же напишем?». Он не мог примириться с тем, чтобы выдать за теорию очередное «изделие», в котором научные выводы заглушил бы треск обязательных пропагандистских восклицаний. Более того, речь могла идти только о «советской» теории международных отношений, т.е. отрицающей общепланетарный характер этих отношений и универсальность действия их закономерностей, а всю многосложность мироустройства подменяющей схемами «классовой борьбы».

Однако из неудачи с созданием теории международных отношений вовсе не следует, что проделанная тогда работа оказалась напрасной. Сложилась когорта высококвалифицированных специалистов-теоретиков. Накопились научные заделы, которые широко используются в наше время, когда перед отечественной наукой открываются неограниченные творческие возможности. В числе ценных исследований следует особо отметить книгу под редакцией В.И. Гантмана «Система, структура и процесс развития современных международных отношений» (1984 г.). В ней содер-

жится богатый материал по «технологии мироустройства». Несмотря на обязательное для того времени идеологическое оформление, книга явилась важным вкладом в нынешние теоретические разработки проблем международных отношений, в поиск подлинно научных подходов к их изучению»¹.

Значение вклада ученых ИМЭМО в разработку теории международных отношений получило широкое признание в научном сообществе.

Из воспоминаний доктора политических наук, профессора Ивана Георгиевича Тюлина, одного из зачинателей данного направления исследований в МГИМО:

«Интерес к теории международных отношений (ТМО) обнаружил себя в конце 60-х гг. в активизации двух групп исследователей-международников — в ИМЭМО, руководителем которой выступил В.И. Гантман, и в МГИМО, где лидером явился Д.В. Ермоленко. Однако, если первый коллектив сразу институционализировался в виде сектора теоретических исследований академического института, то второй функционировал в качестве общественной структуры — как постоянно действующий научный семинар, куда приглашались представители различных исследовательских институтов и практических ведомств. В связи с уходом в 1970-м Ермоленко на работу главным советником Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР активность семинара чувствительно снизилась. Однако вскоре при поддержке МИД и ГКНТ было принято решение о создании первого в истории МГИМО постоянно действующего научного подразделения — Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений во главе с В.П. Тихомировым, которая сосредоточилась на прогнозно-аналитических разработках конкретных внешнеполитических ситуаций.

В 1976 г., в связи с отъездом В.П.Тихомирова на работу в ООН, мне было предложено возглавить лабораторию, где в качестве ее руководителя я проработал более 10 лет. Первым моим шагом на этом посту стал визит к Владимиру Израилевичу Гантману, с которым мы познакомились еще в конце 60-х гг., когда я приступил к написанию дипломной работы, посвященной французскому опыту теоретических исследований международных отношений. Уже тогда, при нашей первой встрече в здании на Ярославской, где в маленьких темных комнатках ютился его сектор, я получил от него много полезных советов, а также установил научные контакты с его сотрудниками — Л. Петровской, Н. Дорониной, Д. Асатиани, Д. Томашевским, С. Мелиховым, Э. Пастернаком, А. Кокеевым, С. Афанасьевым. Это укрепило мой интерес к новой области международных исследований и способствовало распространению «теоретического вируса» среди моих коллег по МГИМО.

¹Запись беседы с членом-корреспондентом РАН О.Н. Быковым.

К моменту нашей второй большой встречи с Гантманом в 1976 г. его коллектив, выпустив известную монографию «Современные буржуазные теории международных отношений», где был обобщен зарубежный опыт в области ТМО, начал переход к разработке отечественной теории.

Надо заметить, что В.И. внимательно следил за научной деятельностью мгимовских теоретиков и сразу указал мне на две «опоры», без которых, по его словам, нельзя было двигать дальше разработку теории в МГИМО — М.А. Хрусталева и А.А. Злобина (в последующем — авторов ряда мгимовских научных трудов и первых учебников по теории международных отношений).

Дальнейшие систематические контакты с Гантманом, его советы, а в последующем переход на работу в Проблемную лабораторию таких «гантманцев», как Пастернак, Доронина, Афанасьев, несомненно, помогли продвижению наших исследований. Наряду с этим в учебный процесс по преподаванию ТМО в МГИМО активно внедрялись труды имэмовцев по теории международных конфликтов, процесса принятия внешнеполитических решений, анализу системы современных международных отношений. Особенно ценными были работы по системному подходу Э.А. Позднякова, которого мы не раз наряду с Томашевским приглашали на наши научные дискуссии, а в последующем и для чтения курса теории международных отношений.

Не секрет, что внедрение этой новой дисциплины в учебный процесс шло не без сопротивления со стороны ряда консервативно настроенных и идеологически бдительных педагогов. Монографии ИМЭМО, освященные академическим титулом, были серьезным подспорьем в преодолении этого сопротивления. Позитивную роль сыграло наше взаимодействие с теоретиками ИМЭМО в разгар развернувшихся в конце 70-х гг. атак на науку международных отношений различного рода авантюристов от физики, химии и биологии, усиленно стремившихся внедрить свои наукообразные схемы внешнеполитического прогнозирования в практическую деятельность МИДа.

В последующем пути имэмовцев и мгимовцев в поисках теории несколько разошлись — мгимовские ученые усилили акценты на прикладных аспектах теории, имэмовцы же концентрировались на базовых методологических проблемах, но мы как бы взаимодополняли друг друга. И хотя цельная отечественная теория международных отношений так и не появилась, труды ИМЭМО, на мой взгляд, имели серьезное значение. Они не остались незамеченными мировым академическим сообществом, а высокий авторитет Гантмана мною лично не раз фиксировался на различного рода международных форумах — Конгрессах международной ассоциации политических наук, Американской ассоциации международных исследований и т.д.

Теоретические исследования в области международных отношений в сегодняшней России продолжают. В последние годы вышло немало интересных работ в этой области (Лебедевой М.М., Цыганкова П.А., Хрусталева М.А., Богатурова А.Д., Косолапова Н.А.). Все они так или иначе пита-

ются теоретическим наследием имэмовцев, что напрямую признается авторами современных российских монографий по теории международных отношений»¹.

С вопросами теории международных отношений тесно связано прогнозирование в этой области, проводившееся в ИМЭМО по инициативе Н.Н. Иноземцева с середины 60-х годов. Как уже отмечалось, составление международно-политических и военно-политических прогнозов было связано с определенным риском для составителей.

Вспоминает О.Н. Быков, принимавший самое активное участие в прогностических исследованиях в 60–80-е гг.:

«Прогнозирование развития международных отношений как процесса преимущественно политического всегда было обставлено жесткими ограничениями. Лимитировали текущие внешнеполитические установки, концептуальные стереотипы, идеологическая заданность. Вариантность предсказаний должна была укладываться в рамки партийной доктрины «перехода от капитализма к социализму и коммунизму». И все-таки существовала определенная свобода профессиональных оценок. При соблюдении (пусть и формально) принятых «правил игры» можно было найти способы достаточно объективного рассмотрения тенденций международного развития.

Что же касается «конечного продукта» прогнозирования, то он редко подвергался радикальной переделке со стороны Дирекции ИМЭМО. Редактирование сводилось, как правило, к стилистической правке с целью придания тексту вида необходимой политической корректности. Имелось в виду, что выводы прогноза, в том числе и довольно нетрадиционные, предназначены для закрытого использования в процессе выработки государственной политики и поэтому не должны нести пропагандистской нагрузки, обязательной для открытых публикаций.

Другое дело, насколько наши прогнозы были нужны творцам советской политики. Как теперь стало совершенно очевидно, они не придавали значения критическому анализу и грозным предостережениям, исходившим даже из весьма авторитетных источников, не говоря уже о нашем академическом институте. Тоталитаризм вообще не нуждался в таком видении будущего мира, которое хоть в чем-то подвергало сомнению незыблемость его существования и неизменность его внешнеполитического курса»².

Наряду с теоретическими разработками, в ИМЭМО велись исследования (как в открытом, так и в закрытом режимах) по широкому кругу актуальных

¹ Из воспоминаний Первого проректора МГИМО МИД РФ профессора И.Г. Тюлина, любезно предоставленных им в распоряжение автора.

² Запись беседы с членом-корреспондентом РАН О.Н. Быковым.

проблем мировой политики: основные тенденции процесса разрядки международной напряженности¹; ключевые проблемы внешней политики США, место и роль Вашингтона в системе международных отношений²; международные конфликты и пути их мирного разрешения³; предпосылки и перспективы создания общеевропейской системы безопасности и сотрудничества⁴; международно-политические аспекты процесса ограничения стратегических вооружений; развитие и перспективы «европейского строительства» в рамках ЕЭС⁵; международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и перспективы формирования здесь системы коллективной безопасности⁶, а также ряд других проблем.

В отделе международных организаций под руководством доктора юридических наук Григория Иосифовича Морозова разрабатывались теоретические и практические аспекты деятельности международных организаций — межправительственных и неправительственных⁷. Анализировалась их роль в системе международных отношений, проводилась их научная классификация, изучались проблемы соотношения государственного суверенитета и деятельности международных организаций, структурные проблемы и функци-

¹ Материализация разрядки: экономические аспекты / Под ред. *В.Н. Шенаева* и *Ю.В. Андреева*. М., 1978; Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба / Отв. ред. *В.И. Гантман*. М., 1981.

² *Лан В.И.* США: от испано-американской до Первой мировой войны. М., 1975; *он же.* США: От Первой до Второй мировой войны. М., 1976; *он же.* США: военные и послевоенные годы. М., 1978; *Иванова И.М.* Концепция «атлантического сообщества» в политике США. М., 1973; *Смит С.А.* Политика США в Африке (50–70-е годы). М., 1973; *Федотова Э.М.* США и неприсоединившиеся страны (стратегия и тактика). М., 1975; *Вишня Г.Ф.* Латиноамериканская политика США (1968–1976). М., 1978; *Нарочницкая Н.А.* США и «новая восточная политика» ФРГ. М., 1977.

³ Международные конфликты 60-х и 70-х годов / Отв. ред. *Е.М. Примаков*, *В.В. Журкин*. М., 1972; Международные конфликты современности / Отв. ред. *В.И. Гантман*. М., 1983.

⁴ Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы / Отв. ред. *Д.М. Проэктор*. М., 1976. *Проэктор Д.М.* Пути Европы. М., 1978.

⁵ Международные отношения в Западной Европе / Под ред. *Д.Е. Мельникова*. М. 1974; Западная Европа в современном мире. Т. 1 / Отв. ред. *В.И. Кузнецов*, *С.П. Мадзоевский*. М., 1979.

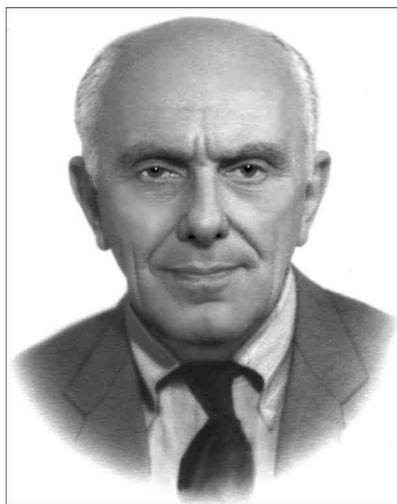
⁶ *Петров Д.В.* Современные проблемы международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1976; Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1979; *Носов М.Г.* Политика Японии в отношении КНР (1949–1971 гг.). М., 1976; *Федулова Н.Г.* Политика США в Юго-Восточной Азии. Социально-экономические аспекты. М., 1976; *она же.* Эволюция политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 70–80-е годы. М., 1987; *Черкасов П.П.* Франция и Индокитай 1945–1975 (эволюция французской политики в Индокитае). М., 1976.

⁷ *Морозов Г.И.* Международные организации (некоторые вопросы теории). М., 1974; *Коваленко И.И.* Международные неправительственные организации. М., 1976; *Этингер Я.Я.* Межгосударственные организации в Азии и Африке. М., 1976.

онирование их механизма. В центре внимания исследователей постоянно находилась главная международная организация — ООН¹.

Новым направлением исследований в этой области в 70-е годы стало изучение политических и экономических аспектов проблемы окружающей среды, связи этой проблемы с системами международных политических и экономических отношений. Был изучен механизм международного сотрудничества в области защиты окружающей среды — от всемирного до субрегионального, а также механизм регулирования и контроля за качеством окружающей среды в развитых странах Запада².

«Теоретические и политические аспекты проблем перехода от капитализма к социализму в современных условиях. Проблемы пролетарского интернационализма» — так формулировалось одно из основных направлений НИР ИМЭМО. Сейчас, в начале третьего тысячелетия, новому поколению обществоведов трудно себе представить, что научные умы могли всерьез заниматься подобного рода идеологической казуистикой. В действительности же, за фасадом изучения классовой борьбы «в странах капитала», а также деятельности коммунистических и рабочих партий в ИМЭМО с конца 60-х годов исподволь формировалась серьезная политологическая школа, получившая имя своего основателя — доктора исторических наук Германа Германовича Дилигенского³.

Герман Германович Дилигенский

Возглавив в 1969 году г. отдел международного рабочего движения, Г.Г.

Дилигенский, с согласия и при поддержке Н.Н. Иноземцева, перестроил всю рабо-

¹ ООН и поддержание международного мира / Отв. ред. *Р.М. Тимертаев*. М., 1973; *Шкунаев В.Г.* ООН в современном мире. М., 1976.

² Проблемы окружающей среды в мировой экономике и международных отношениях / Отв. ред. *Р.А. Новиков*. М., 1976.

³ См. *Холодковский К.Г.* Г.Г. Дилигенский и его школа // «Полития», № 3 (17), Осень 2000. С. 188–193.

ту в направлении исследования современного западного общества, о котором, в сущности, в СССР не знали ничего достоверного. Конкретно речь шла об изучении внутренних, социально-политических проблем развитых стран Запада. Соответственно, и реорганизованный Дилигенским прежний отдел международного рабочего движения стал называться отделом социально-политических проблем капитализма. При этом изучение рабочего движения в отделе не прекратилось (да этого бы и не позволили контролирующие инстанции в ЦК КПСС), но оно было вписано в широкий контекст исследования общих тенденций развития современного западного общества.

Из воспоминаний ветеранов «отдела Дилигенского» — докторов исторических наук С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского:

«Преобладавший даже после «хрущевской оттепели» взгляд на внутреннюю политику как на поле «классовой борьбы» уже явно не соответствовал тем исходным теоретическим позициям и выводам, к которым мы приходили в ходе изучения партий, классов и социальных групп. Больше того, чем дальше, тем больше этот подход вступал в противоречие с линией на конструктивное сотрудничество СССР со странами Запада, которую отстаивал ИМЭМО, да и не только он один. Не удивительно, что руководство Института, и прежде всего Н.Н. Иноземцев всячески поощряли расширение проблематики исследований отдела, добивались того, чтобы изучение внутренней политики и внутриполитических процессов органически вписывалось в исследования мировой экономики и международных отношений и ни в коей мере не было дежурным «довеском» к ним. <...>

Работы отдела социально-политических проблем во многом заполняли вакуум в исследовании внутриполитических процессов в западных обществах, который образовался с превращением марксистской теории в догматические каноны «марксизма-ленинизма». Они давали реальное представление о расстановке сил в развитых странах, о сдвигах в социальной структуре (в частности, о росте «средних слоев» и об увеличении их роли), о социальной и политической стратегии правящих классов, о партиях и партийных системах, о психологии различных социальных слоев и групп.

Не случайно одним из первых коллективных трудов, подготовленных в отделе, был сборник под названием «Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма» (М., 1971). Он сильно отличался от большинства работ, издаваемых в то время советскими обществоведами — как сочетанием конкретности с широтой взгляда (рассмотрением самых разнообразных факторов внутриполитического развития), так и гораздо меньшим удельным весом конъюнктурных и пропагандистских мотивов. Читатель узнавал из него и о социальных последствиях сдвигов в экономике, и о политике социального партнерства и «человеческих отношений» в промышленности, и о конкретных функциях отдельных партий в западной политической системе, да и об эволюции самой этой системы, и о влиянии средств массовой информации на психологию массовых слоев общества, что было тогда совер-

шенно новой и еще не освоенной советскими исследователями капиталистического общества темой. Термин «политология» еще не произносился, тем не менее, отдел фактически приступил к системному исследованию политической системы современного капитализма»¹.

Данное направление исследований получило развитие в индивидуальных монографиях сотрудников отдела², а также в соответствующих разделах и главах страновых монографий ИМЭМО из серии «Экономика и политика стран современного капитализма».

В коллективной работе «Новые явления в системе политического господства монополий» (М., 1975) под редакцией К.Г. Холодковского раскрывалась суть той «противоречивой модернизации», которую претерпевали основные элементы политической надстройки стран Запада — политические партии, группы и организации, представляющие интересы наиболее значимых социальных сил западного буржуазного общества. В этой работе была проанализирована вся совокупность связей между государством и тем, что авторы исследования впервые в советской обществоведческой литературе осмелились назвать «гражданским обществом». Как известно, официальное советское обществоведение не признавало существование гражданского общества на Западе, как не признавало оно самой возможности принятия там политических решений, выражающих общегражданские, а не частные интересы отдельных господствующих групп (или крупных монополий). По инициативе Г.Г. Дилигенского³ в отделе были развернуты исследования в области социальной психологии⁴. Были поставлены важные для этого направления вопросы: соотношение социальной психологии и социального по-

¹ Из воспоминаний С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского, любезно предоставленных в распоряжение автора.

² См.: *Кувалдин В.Б.* Интеллигенция в послевоенной Италии (положение, психология, поведение). М., 1973; *Бурджалов Ф.Э.* Государственно-монополистическая политика доходов: концепции и практика (на материалах Великобритании). М., 1973; *Городецкая И.Е.* Великобритания: избиратели, выборы, партии (1945–1970). М., 1974; *Перегудов С.П.* Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975; *Песчанский В.В.* Служащие в буржуазном обществе (на примере Англии). М., 1975; *Кисовская Н.К.* Государственное предпринимательство и политическая борьба в Италии. М., 1977; *Надель С.Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978; *Сокольский С.Л.* Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983 и др.

³ Первой работой такого рода стала монография самого Германа Германовича: *Дилигенский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969.

⁴ См. *Вайнштейн Г.И.* Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977; *Бунин И.М.* Буржуазия в современном французском обществе. Структура, психология, политические позиции. М., 1978; *Иерусалимский В.П.* Рабочий класс ФРГ: психология, сознание, сознательность. М., 1986; *Холодковский К.Г.* Италия: массы и политика. М., 1989; *Социальная психология классов* / Отв. ред. Г.Г. Дилигенский. М., 1985; *В поисках смысла и цели: проблемы массового сознания современного капиталистического общества* / Отв. ред. Г.Г. Дилигенский. М. 1986.

ведения, обыденного и политического сознания, психологии и идеологии, устойчивых, постоянных и меняющихся психологических характеристик.

В отделе успешно разворачивались исследования о роли и месте современной социал-демократии в общественно-политической жизни стран Запада. В 70-е годы удалось переломить, в значительной степени усилиями политологов ИМЭМО, существовавшее в СССР со сталинских времен устойчивое предубеждение в отношении социал-демократов, чему в значительной степени способствовала нормализация отношений между Советским Союзом и ФРГ в результате подписания Московского договора 12 августа 1970 года.

Из воспоминаний С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского:

«В изучении современной социал-демократии с самого начала главный акцент был сделан не на идеологии и идейно-политических доктринах «социал-реформизма», а на выяснении места и роли партий в системе социальных и политических отношений капитализма. Подобного рода смещение акцентов позволило представить социал-демократию в качестве института, органически встроенного в общественно-политическую систему стран Запада и, соответственно, выступающего в качестве самостоятельной, опирающейся на прочную социальную и институциональную основу политической силы. Причем силу не «враждебную», «чуждую», а скорее «родственную» и объективно дающую много оснований для выстраивания отношений с ней на началах сотрудничества и взаимопонимания. Основной акцент в методологии исследований социал-демократии как органически целостного, «системного» феномена был перенесен с его «классовой» роли на структурно-функциональную. Причем подход этот стал практиковаться и при изучении других партий и организаций, и в том числе — консервативных.

Разумеется, отказаться вообще от анализа идеологии социал-демократии мы не могли, да это и не было бы оправдано и с чисто научной точки зрения. Основной упор был сделан, во-первых, на констатации окончательного, по сути дела отхода социал-демократии от марксизма, и, во-вторых, на усвоение ею с начала 60-х гг. «технократических» ценностей, нацеленных на всемерное поощрение научно-технической революции и проведение, хотя и далеко не всегда успешное, соответствующей стратегической линии в условиях пребывания у власти. Именно на этом векторе идеологической эволюции социал-демократии, а также на ее ориентации на развитие «государства всеобщего благосостояния» и были сосредоточены как страновые исследования, так и изыскания более широкого плана.

«Увлечение» тематикой социал-демократии, ее «реабилитация» породили у многих наших коллег за пределами Института ощущение, что мы и сами в чем-то становимся «социал-демократами»¹.

¹ Из воспоминаний С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского. Изучением современной социал-демократии занимались и в других отделах Института. См. например: Тимашкова О.К. Скандинавская социал-демократия: эволюция, тенденции, перспективы. М., 1978. Эта работа была выполнена в отделе стран Западной Европы.

Заметное место в исследовательской работе отдела Дилигенского с середины 70-х годов стала занимать проблематика «еврокоммунизма», связанная с новыми тенденциями в стратегии и тактике ряда западноевропейских коммунистических партий, отвергнувших советскую модель и искавших собственный «путь к социализму». По свидетельству ветеранов отдела, подавляющее большинство его сотрудников в 70-е годы сами разделяли еврокоммунистический «уклон», что им и «аукнется» в 1982 г.

В отделе экономики и политики развивающихся стран ИМЭМО разрабатывалась проблематика, объединенная в рамках единого направления — «Национально-освободительное движение и пути развития стран Азии, Африки и Латинской Америки». Работа здесь велась по нескольким основным темам.

— «Национально-освободительные антиимпериалистические революции на современном этапе». По этой теме продолжалась работа по теоретическому обоснованию так называемого некапиталистического пути развития: содержание и критерии этого пути; классовая природа революционной демократии и особенности ее идеологии; роль государства в развивающихся странах; влияние госаппарата на общественно-политическую жизнь; значение бюрократической буржуазии как особого социального слоя; роль армии в Третьем мире и ее место в процессе «некапиталистических преобразований»; ультралевые течения в развивающихся странах и их идейная связь с маоизмом; характер и роль политических партий и организаций в развивающихся странах.

— «Структурные сдвиги в экономике развивающихся стран». Здесь исследовались узловые вопросы функционирования и эволюции хозяйственного механизма этих стран, анализировалась структура их производства и потребления, внутренняя взаимосвязь в развитии этих двух основных компонентов воспроизводственного процесса, структурные характеристики и тенденции развития национальных рынков стран Третьего мира. Результаты этих исследований, помимо монографий, вошли в закрытые прогнозы экономики развивающихся стран на 1980 и 1990 гг.

— «Международное разделение труда и экономические проблемы развивающихся стран». По этой проблематике велось изучение эволюции роли развивающихся стран в системе мирового капиталистического хозяйства, новой стратегии Запада по отношению к этим странам и характера борьбы последних за экономическую самостоятельность. В отделе была разработана методология исследования всех этих проблем, а также изучения последствий энергетического и сырьевого кризиса для стран Третьего мира.

— «Социальная структура и классовые отношения». В рамках данной темы разрабатывалась типология развивающихся стран по уровню их социально-экономического развития, исследовалась эволюция традиционных социальных структур и специфика современных укладов в развивающихся странах, происходившие там процессы урбанизации, формирования различных слоев и классов в деревне и городе.

— «НТР и экономические проблемы развивающихся стран». Изучение этих вопросов позволило выявить закономерности развертывания НТР как всемирного процесса и особенности ее проявления в Третьем мире, а также ее

воздействия на социальные сдвиги в развивающихся странах. Были проанализированы социально-экономические последствия «зеленой революции» и ее потенциальных возможностей для решения мировой продовольственной проблемы, новые тенденции в производстве сырья, соотношение естественных и искусственных сырьевых ресурсов, генезис сырьевого и энергетического кризисов. Впервые в советской науке был разработан комплекс проблем, связанных с развитием образования, подготовкой и использованием национальных квалифицированных кадров как одного из важнейших условий преодоления вековой отсталости.

Была изучена проблема углубляющегося «разрыва» между развитыми и развивающимися странами в системе мирового капиталистического хозяйства и проанализированы перспективы «догоняющего развития» в условиях нарушения экологического равновесия биосферы.

В исследованиях, проведенных во второй половине 70-х годов, была проанализирована программа нового мирового экономического порядка, выдвинутая развивающимися странами; вскрыты препятствия, мешающие распространению достижений НТР в странах Третьего мира, а также причины неудачи так называемого «Десятилетия развития» — амбициозного плана ООН для развивающихся стран. Более пристальное, нежели в предшествующий период, внимание исследователи ИМЭМО стали уделять новым тенденциям и явлениям идеологического характера в развивающихся странах, в частности, росту исламистских настроений, как реакции на форсированную «вестернизацию» традиционных восточных обществ (например, Ирана).

Из воспоминаний ветерана отдела экономики и политики развивающихся стран, доктора исторических наук Марата Александровича Чешкова:

«...Возможности научного творчества были достаточно широкими, и в первую очередь благодаря той обстановке, которая сложилась в нашем отделе с 60-х годов и сохранялась в последующие десятилетия... Отдел отличался широтой и свободой мысли, постоянными дискуссиями и поисками, той атмосферой, которую создавали В.Л. Тягуненко, Г. Мирский, К. Майданик, А. Солоницкий. Для меня более всего плодотворным было сотрудничество с В. Крыловым и В. Шейнисом. Парадоксально, что эта обстановка совмещалась с жесткой ориентированностью на выполнение идеологических заданий, в первую очередь на выработку и пропаганду некапиталистического пути развития. Продуктивность работы оценивалась здесь, как и в Институте в целом, по тому, как выполнялись задания для партийных и государственных инстанций. Однако давление идеологических догм, догм официального марксизма здесь не было столь сильным, поскольку считалось, что «Восток — дело тонкое», да и полемика с Китаем в немалой степени способствовала критическому отношению не только к догматам, но и служила, хотя и косвенно, трезвому взгляду и на советский «реальный социализм». В такой обстановке особенно продуктивным было создание коллективных монографий, в кото-

рых мне посчастливилось участвовать, особенно в так называемой «коричневой книге»»¹.

Таковы были основные направления научно-исследовательской работы ИМЭМО на всем протяжении 70-х и на рубеже 80-х годов. С некоторыми коррективами они развивались и в последующем десятилетии, по крайней мере, до горбачевской перестройки.

«Мозговые атаки» Евгения Примакова

В самом начале 70-х годов в исследовательском арсенале ИМЭМО появился и прочно утвердился такой эффективный метод изучения новейших тенденций в мировой политике, как ситуационный (имитационно-игровой) анализ. Наиболее плодотворным он оказался в работе по краткосрочному прогнозированию развития конкретных международно-политических ситуаций. Впоследствии, методика проведения «ситанализов» была заимствована у ИМЭМО другими научно-исследовательскими институтами международного профиля, а также практическими организациями (МИД, внешняя разведка и др.).

Создателем этого нового метода международно-политических исследований в СССР был академик (в то время — доктор экономических наук) Евгений Максимович Примаков, хотя сам он утверждает, что с практикой «мозговых атак», которые у нас стали называться ситанализами, он впервые познакомился во время своих поездок в западные исследовательские центры².

Так или иначе, но именно Примаков инициировал внедрение этого метода в арсенал отечественных исследований в области современных международных отношений. Это произошло вскоре после возвращения Примакова в апреле 1970 г. в ИМЭМО, куда его пригласил Н.Н. Иноземцев на должность своего заместителя (фактически первого зама)³.

В общей сложности 13 лет жизни Примакова связаны с ИМЭМО, где он работал старшим научным сотрудником, затем как заместитель директора и, наконец, как директор. Именно из ИМЭМО Примаков стартовал в большую

¹ Из воспоминаний М.А. Чешкова, любезно предоставленных в распоряжение автора. Под «коричневой книгой» Чешков имеет в виду коллективную монографию: «Развивающиеся страны: проблемы, закономерности, перспективы» / Отв. ред. В.Л. Тягуненко, Р.М. Аваков, К.Л. Май-даник. М., 1974. «Коричневой» эту книгу стали называть за соответствующее издательское оформление обложки. Значительный вклад в написание этого труда внес В. Крылов, перешедший вскоре из ИМЭМО на работу в Институт Африки АН СССР.

² Запись беседы с академиком Е.М. Примаковым 12 ноября 2002 г. Метод «мозговых атак» применялся, в частности, в Брукингском институте (Вашингтон).

³ Как уже говорилось в одной из предшествующих глав, Е.М. Примаков впервые пришел в ИМЭМО в сентябре 1962 г., и проработал там несколько месяцев в должности старшего научного сотрудника отдела развивающихся стран.

политику, став на вершине своей карьеры Председателем Правительства России. Он оставил глубокий след в истории Института, с которым сохранил тесные контакты и после ухода в политику.

Биография Е.М. Примакова достаточно хорошо известна¹. Тем не менее, есть смысл хотя бы кратко остановиться на тех ее эпизодах, которые, прежде всего, связаны с ИМЭМО, а также на тех, которые характеризуют его как личность и как ученого.

Из автобиографии Е.М. Примакова (октябрь 1974 г.):

«Я, Примаков Евгений Максимович, родился 29 октября 1929 года в Киеве в семье служащих. Отец умер, когда мне было три месяца. (К этому времени мы уже переехали в Тифлис.). Воспитывался матерью — Примаковой Анной Яковлевной, проработавшей последние 35 лет своей жизни в поликлинике Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. В 1972 году умерла в Тбилиси. В 1937 г. поступил в тбилисскую 47-ю среднюю школу. В 1944—1946 гг. был курсантом Бакинского военно-морского подготовительного училища Министерства обороны СССР. (Отчислен по состоянию здоровья.). После училища продолжил занятия в средней школе в Тбилиси. Окончил ее в 1948 году и в том же году поступил в Московский институт востоковедения. <...>»².

Детство и юность, прошедшие в Тбилиси, сыграли очень важную роль в формировании характера Евгения Максимовича. «Примакову повезло в том, что он оказался именно в Тбилиси, замечательном городе, отличавшемся, особенно в те годы, теплым и душевным климатом, — пишет Леонид Млечин, один из биографов Примакова. — Тбилиси тех лет был одним из немногих городов, где в какой-то степени сохранились патриархальные нравы и человек не чувствовал себя одиноким, а был окружен друзьями, приятелями, знакомыми, соседями и, таким образом, принадлежал к какой-то группе, сообществу. Здесь было принято помогать друг другу кто чем может.

Потом все знающие Примакова будут восхищаться его умением дружить и верностью многочисленным друзьям. Это качество было заложено тогда, в Тбилиси. Он понял, как важно быть окруженным друзьями, и научился дорожить близкими людьми»³.

Перебравшись в Москву с ее жестокими нравами и правилами жизни, Примаков сумеет сохранить те душевные качества, которые сформировались у него в тбилисский период жизни. Москва, наверное, повлияла лишь на манеру поведения Примакова, который казался тем, кто его мало знал, человеком сдержанным и даже мрачноватым. Однако, как единодушно свидетельствуют его друзья и давние коллеги, этот имидж не имеет ничего

¹ См.: Королев Б.В. Как Примаков стал Примаковым. М., 1999; Млечин Л.М. Евгений Примаков: История одной карьеры. М., 1999.

² Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

³ Млечин Леонид. МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С. 579.

общего с реальным Примаковым — человеком жизнерадостным, дружелюбным, отзывчивым и надежным...

Впоследствии, оказавшись на политическом Олимпе, он станет свидетелем череды предательств, характерных для «двора» Горбачева и особенно Ельцина. Горькая чаша не минует и его самого, но при всех обстоятельствах никто и никогда не мог заподозрить Примакова в отступничестве от друзей и соратников.

В Московском Институте востоковедения Евгений Примаков учился на арабском отделении, овладев, помимо арабского, английским языком. В 1953 г. он получает диплом по специальности «страновед по арабским странам» и тогда же поступает в аспирантуру экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

После аспирантуры перед Примаковым открывались возможности для университетской или академической карьеры¹, но он решил начать с международной журналистики. В течение шести лет (сентябрь 1956 — сентябрь 1962 г.) Евгений Примаков работает в системе Госкомитета по телевидению и радиовещанию при СМ СССР — сначала корреспондентом, затем ответственным редактором, заместителем главного редактора и, наконец, главным редактором редакции иностранного вещания. В поле зрения его профессиональных интересов — актуальные вопросы текущей международной жизни, в частности, развертывание национально-освободительного движения на Арабском Востоке. В 1958 г. Примакова включают в число журналистов, сопровождавших Н.С. Хрущева в его поездке в Албанию. По каким-то причинам, о чем достоверно не знает и сам Евгений Максимович, на последующие несколько лет он оказался «невъездным». За границу его перестали пускать даже в туристические поездки².

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«В это время (1962 год. — П.Ч.) Валентин Зорин, известный радиожурналист, познакомил меня с заместителем главного редактора «Правды» Н.Н.Иноземцевым, отвечавшим в газете за международную тематику. От него я и получил приглашение перейти в «Правду» обозревателем отдела стран Азии и Африки. Понимая, насколько ответственно работать в органе Центрального Комитета, которым была газета «Правда», и искренне стремясь наконец-то поставить, как говорится, все точки над «и», я сказал Иноземцеву, что за мной тянется какой-то «хвост», так как с определенно-го времени мне начали отказывать в выезде за рубеж. Николай Николаевич при мне вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему: «Запросите соответствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве собственного корреспондента «Правды» в одной из капиталистических стран». Я понял, что меня направляют на проверку по самому высшему разряду, и был этому рад.

¹В 1960 г. Примаков защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата экономических наук. Еще в 1956 г. он публикует свою первую книгу — «Страны Аравии и колониализм».

²Примаков Евгений. Годы в большой политике. М., 1999. С. 16.

Для проверки нужно было определенное время — такие уж тогда были порядки. Предполагая, что на мой уход может негативно отреагировать М.А. Харламов¹ (так и получилось, причем к нему присоединился его первый заместитель, блестящий профессионал Э.Н. Мамедов), Иноземцев предложил мне подать документы на конкурсное замещение (я уже был кандидатом экономических наук) должности старшего научного сотрудника в ИМЭМО. Николай Николаевич сказал, что переговорит с директором ИМЭМО академиком А.А. Арзуманяном, чьим заместителем он был до перехода в «Правду», и объяснит ему временный характер моего нахождения в институте.

Я прошел по конкурсу в 1962-м, одновременно получив звание старшего научного сотрудника. Мое четырехмесячное первое пребывание в ИМЭМО закончилось после ночного телефонного звонка от главного редактора «Правды» П.А. Сатюкова. Мне сказали, что он меня ждет и за мной уже выехала машина.

— Когда можете приступить к работе? — спросил Павел Алексеевич.

— Мне было бы крайне неудобно делать это без согласия Арзуманяна, и вообще в институте хорошо работается, да и окружают меня очень интересные и доброжелательные люди, — ответил я.

— Договоритесь с Арзуманяном, — Сатюков обратился к Иноземцеву. — Трех дней, я думаю, вам достаточно, — это уже было сказано мне.

Таков был стиль в партаппарате, даже в партийной печати, и я тогда воспринимал его как вполне нормальный. После того, как мы вышли из кабинета «главного» — так в то время во всех газетах величали главного редактора, — Иноземцев передал мне, что у «соответствующих органов» нет возражений против моей поездки в качестве собкора «Правды»².

В «Правде» Е.М. Примаков проработал семь с половиной лет — с декабря 1962-го по апрель 1970 г. — сначала обозревателем, а затем собкором в Египте, Ливане, Судане, Йемене, Эфиопии, Ливии, Кении и Уганде³.

Из автобиографии Е.М. Примакова (октябрь 1974 г.):

«В 1965 году состоялось решение инстанций о моей поездке в Кению в качестве советника вице-президента республики. Но поездка не состоялась в результате внутренних изменений в Кении — я не получил визы. В этом же году был направлен собственным корреспондентом «Правды» в арабские страны — сначала с местом пребывания в Каире, а с лета 1969 года — в Бейруте»⁴.

Непосредственное детальное знакомство с политическими и экономическими реалиями арабских и африканских стран в скором времени превратило

¹ Тогдашний председатель Гостелерадио СССР. — П.Ч.

² Примаков Евгений. Указ соч. С. 16–18.

³ Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

⁴ Там же.

Примакова в ведущего советского эксперта по проблемам Арабского Востока. Еще работая в «Правде», он написал и в 1968 году г. защитил в ИМЭМО докторскую диссертацию, посвященную социально-экономическим проблемам Египта эпохи президента Г.А. Насера¹. Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Главным» в «Правде» в то время был М.В. Зиянин. Он отнюдь не был сторонником моей научной деятельности, предоставив мне перед защитой отпуск на две недели без сохранения содержания. Но я его не виню в этом. Может быть, он знал, что перед защитой, которая проходила в ИМЭМО, я получил предложение от Н.Н. Иноземцева, в то время уже назначенного директором института после смерти А.А. Арзуманяна, перейти на работу его первым заместителем. Аналогичное предложение мне сделал Г.А. Арба-тов — директор нового, отпочковавшегося от ИМЭМО Института США и Канады»².

Примаков принял предложение Иноземцева и весной 1970 г. пришел в ИМЭМО, где на этот раз ему предстояло проработать около восьми лет.

Из Постановления Президиума Академии наук СССР от 30 апреля 1970 г. (№ 377):

«<...> «Назначить доктора экономических наук Примакова Евгения Максимовича заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Президент
Академии наук СССР
академик – М.В. Келдыш

И.о. главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент
АН СССР – Г.Д. Афанасьев³

В ИМЭМО, как уже отмечалось, Примаков сразу же занял ведущее положение, став первым заместителем Иноземцева. В периоды частых отлучек Иноземцева из Института (он привлекался к подготовке материалов пленумов и съездов партии, а также выступлений Л.И. Брежнева, работая в загородных резиденциях Генерального секретаря ЦК КПСС) Примаков замещал директора, руководя текущей работой ИМЭМО. Непосредственно же он курировал всю международно-политическую и военно-политическую проблематику, разрабатывавшуюся в Институте, включая, разумеется, весь комплекс вопросов, связанных с изучением Третьего мира и с эволюцией ближневосточного конфликта.

¹ В соавторстве с И. Беляевым в 1972 г. Е. Примаков публикует книгу «Египет президента Насера». В 1978 г. выйдет его солидная монография «Анатомия ближневосточного конфликта».

² Примаков Евгений. Указ соч. С. 18.

³ Личное дело Е.М. Примакова // Архив ИМЭМО РАН.

Вскоре после прихода в ИМЭМО Евгений Примаков выступил с инициативой проведения так называемых ситуационных анализов — совещаний экспертов по конкретным, наиболее злободневным вопросам текущей международной жизни. Такого рода совещания существенно отличались от различного рода научных конференций, симпозиумов и других обсуждений, регулярно проводившихся в академических институтах. Главное отличие заключалось в непривычной для советских ученых-гуманитариев свободе мысли, высказываний и оценок, допускавшихся на этих закрытых ситанализах, где не звучали пропагандистские заклинания и где не надо было излагать общеизвестные положения, заимствованные в директивных партийных документах, у Брежнева или Громыко. Как правило, это был серьезный разговор на конкретную тему с обязательными четкими выводами и рекомендациями, адресованными партийно-государственному руководству СССР.

Первый ситуационный анализ в ИМЭМО был проведен 16 октября 1970 г¹. Он был посвящен выяснению возможных последствий Московского договора от 12 августа 1970 г. между СССР и ФРГ. В то время у советского руководства еще не было уверенности в успешной ратификации бундестагом этого договора, открывшего новую главу в истории отношений СССР и ФРГ и, как скоро выяснится, ставшего отправной точкой в процессе разрядки международной напряженности в Европе. Не было в Москве и уверенности в самой правильности нового политического курса на нормализацию отношений с вчерашними «западногерманскими реваншистами».

По результатам ситанализа, проведенного тогда в ИМЭМО с привлечением экспертов Управления планирования внешнеполитических мероприятий (УПВМ) МИД СССР и Международного отдела ЦК КПСС, в директивные органы были направлены обоснованные рекомендации по продолжению курса на налаживание сотрудничества с ФРГ. Возможность провала в бундестаге Московского договора была оценена экспертами как маловероятная. Особо подчеркивалась необходимость развития диалога с СДПГ, руководители которой «свободны от того груза иллюзий и ошибок, которые определяли политику старого христианско-демократического руководства». Они лучше понимают «реальное положение вещей, сумели создать себе (и не без основания) репутацию более гибких политиков»².

Участники ситанализа констатировали, что Московский договор, существенно расширяющий маневренные возможности ФРГ в НАТО, открывает перед Бонном «возможность усилить позиции в переговорах с США» и «играть более независимую роль в НАТО». ФРГ, как отмечалось в итоговом документе ситанализа, «сможет действовать более свободно как по отношению к Франции, так и по отношению к другим странам Западной Европы, и в первую очередь Великобритании»³. Все это, с точки зрения интересов СССР, способствова-

¹ Международно-политические последствия подписания договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. Ситуационный анализ. ИМЭМО. Ноябрь 1970 г. // Архив ИМЭМО РАН.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 8–9

ло бы углублению «кризиса доверия» между Западной Европой и США, возникшего как следствие войны, которую Вашингтон в середине 60-х годов развязал в Юго-Восточной Азии без консультаций с союзниками по НАТО.

Московский договор, по убеждению участников ситанализа, может стать «переломным пунктом» в борьбе, которую Советский Союз ведет за созыв общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. «...В настоящее время шансы на созыв общеевропейского совещания больше, чем возможности его срыва» — отмечалось в итоговом документе, направленном в директивные инстанции¹.

Время подтвердило обоснованность большинства прогностических оценок, данных на первом ситуационном анализе, проведенном в ИМЭМО по инициативе Е.М. Примакова и под председательством Н.Н. Иноземцева.

Первый опыт краткосрочного прогнозирования развития конкретной международно-политической ситуации оказался удачным. Он был поддержан Н.Н. Иноземцевым и стал все более широко внедряться в исследовательский арсенал ИМЭМО. В течение 1971–1972 гг. была проведена серия ситанализов, посвященных ближневосточной и европейской проблематике². Инициатива Примакова вызвала живой интерес в научном коллективе ИМЭМО.

Неизбежно вставал вопрос о методике краткосрочного международно-политического прогнозирования, каковым становились ситуационные анализы. Этой работой занялась группа под руководством самого Е.М. Примакова. В нее вошли доктор исторических наук В.И. Гантман и кандидат технических наук В. И. Любченко. В работе над методикой ситанализов были использованы имевшиеся уже наработки сектора теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений ИМЭМО.

Руководил этим сектором, как уже отмечалось, Владимир Израилевич Гантман (1925–1988 гг.). Выпускник юридического факультета Института внешней торговли (1948 г.)³ и аспирантуры Всесоюзного института юридических наук В.И. Гантман в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Государственный строй Италии». С 1952 до 1957 г. он работал политическим обозревателем в журнале «Ньюс», издававшемся в Москве на английском языке для читателей в США, Англии и других англоязычных странах.

В феврале 1957 г. Гантман был зачислен в штат ИМЭМО как младший научный сотрудник (с ученой степенью), но затем, по настоянию Я.С. Хавинсона, высоко ценившего редакторский талант Владимира Израилевича⁴, был переве-

¹ Международно-политические последствия подписания договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. Ситуационный анализ. ИМЭМО. Ноябрь 1970 г. С. 55

² Среди них: «Современный этап Ближневосточного кризиса и перспективы его развития»; «Проблема частичного урегулирования Ближневосточного конфликта»; «Новые тенденции в политике Египта и перспективы советско-арабских отношений»; «Международные последствия вступления Англии в ЕЭС» и др.

³ Институте внешней торговли В.И. Гантман учился на одном курсе с Кононом Молодым (Лонсдейлом), будущим знаменитым советским разведчиком. — П. Ч.

⁴ Владимир Израилевич был наделен блестящими литературными способностями, глубоко знал русскую и мировую литературу, сам писал стихи, был тонким знатоком музыки. — П. Ч.

ден в редакцию журнала «Мировая экономика и международные отношения» редактором отдела стран Западной Европы. Редакционная рутина тяготила Гантмана, давно мечтавшего о самостоятельной научной работе. Еще в 1952 г., после успешной защиты диссертации, он надеялся продолжать свои изыскания в области истории государства и права, но развернувшаяся тогда в стране антисемитская кампания помешала реализации его намерений. В науку его не пустили, и Гантман вынужден был пойти в пропагандистский журнал «Ньюс»¹.

В 1958 г., одновременно с работой в «МЭ и МО», Гантман начинает читать спецкурс в Высшей дипломатической школе МИД СССР. Его все более привлекают теоретические аспекты функционирования системы международных отношений. В ИМЭМО он редактирует третий том «Истории международных отношений после Второй мировой войны»; в соавторстве с С.А. Микояном выпускает книгу «США: внешняя политика и выборы 1960 г.»; публикует индивидуальную монографию «Государственный строй Италии». К началу 60-х гг. объем научных публикаций Гантмана превысил 40 печатных листов. Все это время он активно добивался перевода из редакции журнала в ИМЭМО².

Его настойчивость получила удовлетворение лишь в январе 1961 г., когда по конкурсу он был зачислен в ИМЭМО на должность старшего научного сотрудника в отдел международных отношений³. Гантман активно включается в исследования, проводившиеся в Институте, и в скором времени становится одним из ведущих его сотрудников. В 1968 г. он защищает докторскую диссертацию по теме: «Италия в послевоенных международных отношениях», а два года спустя, получает ученое звание профессора.

Именно Гантману в 1969 г. Иноземцев поручает сформировать сектор теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отноше-

¹ «Моем желанием было заниматься научной работой, — признавался В.И. Гантман в одном из писем А.А. Арзуманяну (20 ноября 1960 г.). — Не моя вина, что затем мне пришлось в течение 5 лет работать международным обозревателем в журнале «Ньюс» // Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — П.Ч.). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 16.

² Гантман неоднократно обращался с соответствующими просьбами к директору ИМЭМО А.А. Арзуманяну, но всякий раз Я.С. Хавинсон, не желавший терять ценного сотрудника, находил предлоги, чтобы удержать его в редакции.

³ 20 ноября 1960 г. Гантман пишет отчаянное письмо Арзуманяну, буквально умоляя его раз решить принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности старшего научного сотрудника по специальности «История международных отношений». «Я только что оправился после серьезного спазма сердца, который уложил меня на 20 дней, — писал Гантман. — Врачи заявили, что в случае повседневного нервного перенапряжения в редакционной работе гипертонический криз повторится очень скоро и в гораздо более опасной форме. Это заставляет меня вновь вернуться к просьбе, с которой я обращался к Вам ранее. <...> Учитывая мое давнишнее стремление и нынешние обстоятельства, я убедительно прошу Вас, Анушаван Агафонович, разрешить мне принять участие в конкурсе. <...> Я отправляю Вам письмо с глубокой надеждой на человеческое решение жизненно важного для меня вопроса» // Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 16. Арзуманян, сам страдавший от гипертонии, на этот раз, по-человечески, не смог отказать Гантману, несмотря на явное недовольство Хавинсона. — П.Ч.

ний. В подборе кадров руководитель сектора сделал упор на молодых научных сотрудников, недавних выпускников МГИМО, МГУ и Университета Дружбы народов им. П. Лумумбы — международников, философов, социологов и психологов. В секторе была сформирована группа математиков, пытавшихся формализовать гуманитарные знания в области международных отношений. Группу возглавил кандидат технических наук Владимир Иванович Любченко.

В 1958 г. он с отличием окончил физический факультет МГУ, где учился на одном курсе и дружил с будущим знаменитым кинорежиссером Отаром Иоселиани. По распределению Любченко попал в НИИ Министерства обороны СССР, где в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал старшим научным сотрудником. Ко времени перехода в ИМЭМО у него уже было 24 научных труда по закрытой тематике. Характерно, что, работая в двух «почтовых ящиках», а затем и в ИМЭМО, Владимир Любченко оставался беспартийным, что причиняло ему очевидные неудобства, как в карьерном росте, так и по линии зарубежных научных командировок. Тем не менее, по каким-то причинам, он воздерживался от вступления в КПСС, несмотря на неоднократные предложения.

В ИМЭМО Любченко возглавил работу по применению математических методов в исследовании и прогнозировании международных отношений. Результаты его работы получают высокую оценку. Через несколько лет он станет главным исследователем ИМЭМО.

В.И. Любченко и В.И. Гантман станут соавторами Е.М. Примакова в разработке методики ситуационного анализа.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Особую роль здесь сыграли В.И. Любченко и В.И. Гантман. Методика включала целый комплекс: подбор «совместимых» экспертов — ученых и практиков, выступающих от собственного имени; сценарий обсуждения, состоящий из ряда взаимосвязанных блоков; «домашние задания» экспертам; правила дискуссии; виды формализации; подготовка документа «на выход»¹.

Работа была окончательно завершена в апреле 1974 г. При этом в Институте, по временной методической схеме, продолжали проводиться ситанализы по наиболее актуальным проблемам международных отношений.

Подготовленная тремя авторами методика представляла собой 50-страничный документ, включая пять приложений (отдельные сценарии и анкеты для экспертов)².

В своей методической разработке авторы, по их определению, исходили из «системно-исторического представления о международно-политических ситуациях как целостных динамических подсистемах в системе международных отношений»³.

¹ Примаков Евгений. Указ соч. С. 44.

² Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И. Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО. 1974 // Архив ИМЭМО РАН.

³ Там же. С. 5.

Из «Методики» Примакова — Гантмана — Любченко:

«Предлагаемый метод дает определенную возможность свести в единый исследовательский процесс структурный, исторический (генетический) и причинно-следственный анализ международно-политической ситуации, выявляя ее ретроспективные, актуальные и прогностические аспекты. Одновременно этот метод предоставляет возможность организовать и направлять процесс активного сбора, оценки и переработки имеющейся первичной информации и воспроизводства большого объема новой, вторичной (аналитической и прогностической) информации о рассматриваемой международно-политической ситуации.

Метод ситуационного анализа предполагает проведение экспертно-аналитического процесса на трех стадиях:

- создание аналитического сценария объективной международно-политической ситуации как целостной динамической системы (подсистемы) с присущей ей внутренней структурой и внешними взаимосвязями;
- получение на основе аналитического сценария большого объема разноплановых экспертных оценок индивидуального или коллективного характера;
- создание заключительного, критически обобщающего эти оценки, аналитического документа¹.

Объектом исследования и краткосрочного прогнозирования при проведении ситуационного анализа, по мнению авторов методики, может быть практически любая международно-политическая ситуация проблемного характера. Но что считать таковой ситуацией?

Из «Методики» Примакова — Гантмана — Любченко:

«Международно-политической ситуацией может считаться любая проблемная ситуация международных отношений, развивающаяся в том или ином регионе (двухсторонняя, многосторонняя, замкнутая, открытая, с косвенным участием других сторон) или в глобальном масштабе, определяемая противоречиями, конфликтом или сотрудничеством государств и народов. Степень конфликтности или кооперации государств в этой ситуации не имеет значения. Конкретной международно-политической ситуацией как объектом научного анализа и прогноза могли бы, например, быть: японо-американские отношения, НАТО, Общий рынок, отношения СССР и США, средиземноморский узел, перспективы ближневосточного конфликта, проблема антикубинских санкций ОАГ, Венские переговоры, некая международная ситуация, которая могла бы гипотетически сложиться при известных внутренних изменениях в Китае. <...>

Возникшая в конкретных условиях международно-политическая ситуация на региональном или даже на глобальном уровне может рассматриваться как своеобразная «клетка» современной международной жизни,

¹ Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И. Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО. 1974 // Архив ИМЭМО РАН.

имеющая разноплановые связи как на международной арене, так и во внутреннем развитии отдельных стран.

Выражаясь точнее, можно сказать, что такая международно-политическая ситуация подлежит научному рассмотрению как некая подсистема, имеющая определенные элементы и четкие структурные взаимосвязи в системе международных отношений. Эта подсистема может быть исследована и как вполне самостоятельная целостная динамическая система с присущими ей элементами, структурой и способом функционирования, движущими силами, специфическими проблемами и тенденциями развития, если при этом не будут игнорироваться ее внешние структурные взаимодействия в пределах системы международных отношений в целом»¹.

Помимо выделения конкретной международно-политической ситуации, становящейся объектом ситанализа, «Методика» предписывала правила формирования и подготовки группы экспертов во главе с руководителем, подробную процедуру ситуационного анализа, а также составление заключительного аналитического документа на основе экспертных оценок.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Обычно ситанализ проводился в течение всего дня; помимо выступавшего, по заранее определенному вопросу имели право в течение нескольких минут высказаться только те, кто были с ним не согласны. Три момента приобретали особое значение: подготовка сценария, что могло бы быть осуществлено только профессионалами, глубоко разбирающимися в теме обсуждения (при этом имело большое значение определение системы «переменных» и их иерархическое расположение), само «дирижирование» при проведении ситанализа и подготовка документа с выводами.

Мне довелось руководить большинством таких обсуждений. Назову лишь несколько результатов: мы спрогнозировали бомбардировки американской авиацией Камбоджи во время вьетнамской войны за четыре месяца до их начала; после смерти Насера — поворот Саудовской Аравии от тесных отношений с СССР; наконец, после победы «исламской революции» в Иране — неизбежность войны между этой страной и Ираком — она началась через 10 месяцев после проведения ситуационного анализа. Этот список можно было продолжить. Не последнее место в нем заняли сбывшиеся прогнозы экономических результатов энергетического кризиса, начало которому положил последовавший за войной в 1973 году на Ближнем Востоке резкий подъем цен на нефть»².

В 1974 г. Е.М. Примаков возглавил в ИМЭМО работу по анализу последствий и перспектив развития энергетического кризиса, охватившего Запад

¹ Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И. Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО. 1974 // Архив ИМЭМО РАН. С. 7.

² Примаков Евгений. Указ. соч. С. 44.

в результате четвертой арабо-израильской войны (октябрь 1973 г.), когда нефтедобывающие арабские страны начали бойкотировать государства, поддерживающие Израиль. Это привело к резкому удорожанию (более чем в четыре раза только за октябрь—декабрь 1973 г.) цен на нефть при сокращении ее добычи за этот же период на 30%¹.

Затяжной энергетический кризис больно ударил по экономике стран Запада, особенно европейских. Многие города Западной Европы в середине 70-х годов из соображений экономии электроэнергии вынуждены были отказаться даже от привычного яркого освещения улиц и площадей в вечернее и ночное время. Энергетический кризис поставил промышленно развитые страны перед необходимостью широкой перестройки всего их энергетического хозяйства.

В ИМЭМО в оперативном порядке были развернуты исследования по изучению всего комплекса последствий, вытекавших из энергетического кризиса, как для Запада, так и для Советского Союза².

Эти проблемы стали предметом детального обсуждения на ситуационном анализе, проведенном в марте 1976 г. ИМЭМО совместно с Институтом атомной энергии им. И.В. Курчатова³. Этим ситанализом руководили академик Н.Н. Иноземцев и академик Е.М. Велихов, а его подготовкой и организацией занимался член-корреспондент АН СССР Е.М. Примаков.

Участники ситанализа констатировали, что энергетический кризис поставил развитые страны Запада перед необходимостью широкой перестройки их энергетического хозяйства. Программирование развития энергетики в этих странах было возведено на общенациональный уровень с привлечением крупных финансовых, материальных и людских ресурсов. Анализ принятых энергетических программ показал их комплексность, многоцелевой характер, охват всех экономически значимых видов энергоресурсов, учет потребностей развития и деятельности ряда обеспечивающих энергетику секторов хозяйства, сочетание в программах необходимых организационных и практических мероприятий в области государственного управления, развития науки и техники, роста и изменения структуры производства, распределения и потребления и т.д.

Имеющийся уже опыт энергетического программирования на Западе, по мнению участников ситанализа, требует дальнейшего систематического изучения научно-исследовательскими институтами АН СССР и другими советскими учреждениями энергетического профиля. Этот опыт может быть весьма полезным для разработки программы развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) СССР. Наибольший интерес в этом смысле представляет опыт США.

¹ *Примаков Е.М.* Ближневосточный кризис в 1973 г. // *Международный ежегодник. Политика и экономика.* Вып. 1974 г. М., 1974. С. 227.

² Первые результаты этих исследований были представлены в коллективной монографии: *Энергетический кризис в капиталистическом мире / Отв. ред. Е.М. Примаков.* М., 1975.

³ *Перспективы развития энергетики основных капиталистических стран в 1976–1985 и 1986–2000 гг. и его возможное значение для энергетического хозяйства СССР. Ситуационный анализ.* М.: ИМЭМО. 1976. // *Архив ИМЭМО РАН.* В ситанализе приняли участие 42 эксперта из ИМЭМО, а также из других научных и государственных учреждений.

В результате состоявшегося обмена мнениями участники ситанализа сформулировали целый ряд выводов и предложений:

— В перспективе на 25 лет (т.е. до 2000 г.) основу энергобаланса промышленно развитых стран Запада по-прежнему будут составлять нефть, уголь, природный газ и атомная энергия. В то же время импорт нефти будет продолжаться в возрастающих масштабах;

— По всей вероятности, мировые и внутренние цены на топливо и энергию в ведущих странах Запада будут постепенно возрастать. «Эра дешевой энергии» для западных стран завершилась, единодушно констатировали участники ситанализа, и это должно учитываться и в советской программе развития энергетики;

— Тенденция к повышению мировых цен на нефть и природный газ должна, с одной стороны, стимулировать увеличение советского экспорта этих энергоресурсов, а, с другой — внести серьезные коррективы в систему замыкающих затрат на топливо и энергию в нашей стране, что должно стать одним из факторов повышения эффективности использования энергоресурсов;

— Возрастает необходимость развития альтернативных источников энергии, как важного «запасного варианта» перспективного энергоснабжения;

— Прогрессирующее расширение нефте- и газодобычи со всей остротой ставит вопрос о слабой изученности отечественных ресурсов ископаемого топлива;

— Одним из решающих условий развития энергетики в ведущих западных странах стало развитие их энергетического и электротехнического машиностроения. Соответственно, при разработке советской энергетической программы эти проблемы должны быть выделены в самостоятельную подпрограмму комплексного, межотраслевого характера;

— В ведущих странах Запада наблюдается форсированное развитие атомной энергетики, занимающей все более значительное место в производстве электроэнергии и во всем энергобалансе этих стран. Следует внимательно изучать перспективы развития мирового рынка уранового топлива и атомно-энергетической техники, вскрыть причины наблюдающегося значительного удорожания строительства АЭС, исследовать их перспективную конкурентоспособность в производстве электроэнергии. Все это представляется необходимым при планировании развития советской энергетики.

В итоговом документе, составленном по результатам проведенного ситанализа, подчеркивалось, что «задачи прогресса советской экономики требуют, а возможности нашей общественной системы позволяют обеспечить подлинную комплексность и многоцелевой характер программы развития энергетики СССР, гибкость и динамичность ее выполнения при опоре на современную методологическую и информационную базу»¹.

¹Архив ИМЭМО РАН // Там же. С.66.

В середине 70-х годов вера в преимущества централизованной плановой экономики, способной успешно решать такие общенациональные проблемы, как энергетика, если и не была уже столь безоговорочной, как в прежние времена, нто все еще преобладала среди советских экономистов и особенно — энергетиков.

Трудно было бы назвать международно-политическую или международно-экономическую проблему 70-х — 80-х годов, которая не стала бы предметом детального обсуждения на ситуационных анализах, проводившихся в ИМЭМО¹.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова, участника и руководителя многих ситанализов:

«Обмен мнений охватывал широкий круг проблем мирохозяйственных связей, международно-политических, внешнеполитических и военно-политических вопросов. Итоги ситанализов оформлялись в виде закрытых записок и направлялись в ЦК КПСС и некоторые министерства и ведомства². По прошествии времени трудно вспомнить какой-нибудь отдельный ситанализ, который отличался от всех остальных своей значимостью и богатством содержания. Были и более удачные и менее удачные обсуждения. Но в целом они составляли содержательную серию во многом неординарных изысканий, проведенных в форме «мозговых атак» по заранее разработанным сценариям. Акцент делался на выявление возможно более широкого раз-¹

¹Из большого числа проведенных ситуационных анализов можно назвать, в частности: Проблемы европейской безопасности; Современная фаза и перспективы развития американо-китайских отношений; Современный этап валютного кризиса и его последствия для мирового капиталистического хозяйства (1971 г.); Новые тенденции в политике Египта и перспективы советско-арабских отношений; Международные последствия вступления Англии в ЕЭС; Проблема частичного урегулирования ближневосточного конфликта (1972 г.); Возможные международно-политические последствия нормализации японо-китайских отношений; Перспективы урегулирования ближневосточного конфликта в новых условиях; Международно-политические последствия прекращения войны во Вьетнаме; Итоги и последствия четвертой арабо-израильской войны (1973 г.); Международно-политические последствия внутренних перемен в западноевропейских странах весной и летом 1974 г.; Оценка общих перспектив экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами (1974 г.); Проблемы обеспечения интересов СССР в Международном органе по дну (1976 г.); Перспективы Женевской конференции по Ближнему Востоку (1977 г.); Актуальные проблемы производственной и научно-технической кооперации СССР с капиталистическими странами; Взаимоотношения ФРГ и США и тенденции их развития в периоды до 1980 г. и до 1985 г. (1978 г.); Новые явления в валютно-финансовой сфере капитализма и внешнеэкономические интересы СССР; Современное состояние и перспективы развития взаимоотношений трех главных центров империалистической системы — США, Западной Европы (ЕЭС) и Японии; Проблемы развития экспортного потенциала СССР (1979 г.); Осложнение международной военно-политической обстановки и перспективы сдерживания гонки вооружений (1980 г.); Западная Европа: разрядочные и антиразрядочные тенденции (1981 г.)...

² Часть этих документов сохранилась в фондах бывшего Архива ЦК КПСС. См., например: Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ. — П. Ч.). Ф. 5. Оп. 77. Д.

броса точек зрения и оценок, способных стимулировать дальнейшее критическое рассмотрение избранной темы уже за пределами Института, на уровне выработки практических решений государственной политики.

Именно такой аналитический подход поощрялся «сверху», и Дирекция Института никогда не затушевывала «острые углы» в итоговых документах. Наоборот, когда чувствовался недостаток в провоцирующих положениях и выводах, проводилось дополнительное обсуждение или опрос по методу анкетирования. Не припоминается ни одного случая, чтобы нам выразили из ЦК КПСС неудовольствие по поводу содержания наших итоговых записок. Не обходилось, вполне понятно, без несогласия с теми или иными высказанными нами суждениями со стороны практических организаций. Но это в порядке вещей. Ведь отсутствие расхождений в процессе поиска оптимального решения — признак его малой продуктивности. Истина рождается в столкновении мнений.

Участники ситанализов не рассчитывали найти полное согласие со своими позициями (да и между собой у них не всегда было единство взглядов). Не пытались они и подстраиваться под модные веяния и господствовавшие настроения. Всех их объединяло сознание того, что они участвовали в полезном деле, которое немислимо без максимально разносторонних и максимально непредвзятых оценок и предложений»¹.

Исследовательский метод «мозговых атак», предложенный Е.М. Примаковым, очень скоро вышел за пределы ИМЭМО, найдя своих энтузиастов в других академических центрах и даже в государственных ведомствах.

За разработку метода и проведение серии ситуационных анализов группа ученых ИМЭМО во главе с академиком Е.М. Примаковым в 1980 г. была удостоена Государственной премии СССР.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Проходили мы вместе с оборонщиками по закрытому списку. Когда каждому из нас торжественно вручали значки лауреатов и дипломы, мы удивились тому, что в зале было не меньше награжденных, чем тех, которые становились лауреатами по открытому списку. Вручавшие награды — секретарь ЦК, заместитель Председателя Совмина и заведующий оборонным отделом ЦК — отреагировали без тени юмора на мой вопрос, следует ли значок лауреата носить с обратной стороны лацкана пиджака. «Вы можете носить его открыто», — последовал ответ»².

Вспоминает другой лауреат Государственной премии СССР, — О.Н. Быков:

«Удостоиться столь высокой чести было не просто лестно, но и важно для ощущения своей востребованности (правда, как выяснилось уже

¹ Из воспоминаний члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова, которыми он поделился с автором.

² Примаков Евгений. Указ. соч. С. 45.

в нынешнее время, мера реальной востребованности наших усилий была не столь уж высока ввиду специфики официального процесса выработки и принятия решений). И все же, высокая оценка ситанализов способствовала дальнейшему творческому разворачиванию научного процесса в ИМЭМО»¹.

С присуждением в 1980 г. Государственной премии за ситанализы связана одна история, характеризующая, с одной стороны, тогдашнюю политическую систему, а с другой — личные качества Евгения Примакова.

Как известно, составление всевозможных списков на награждения, получение почетных званий, в том числе лауреатов Государственной или Ленинской премий, в советские времена проходило через партийные органы (партком, РК, МГК и соответствующие отделы ЦК КПСС). Окончательное же решение о присуждении Госпремии принималось Политбюро и только после этого оно официально оформлялось как решение Комитета по премиям.

Когда Е.М. Примаков, по согласованию с Н.Н. Иноземцевым², представил список кандидатов на получение Государственной премии, он, разумеется, включил в него прежде всего своих соавторов по разработке методики ситанализа — В.И. Гантмана и В.И. Любченко. Кандидатура последнего, как человека беспартийного, была сразу же отведена руководящими партийными инстанциями. Все попытки Примакова восстановить справедливость оказались безуспешными. Иной руководитель, посетовав на «высшие силы», отступился бы, найдя соответствующие слова утешения для несправедливо обойденного коллеги.

Примаков — и в этом проявился его характер — поступил иначе. Убедившись в тщетности своих усилий, он сообщил в «директивные инстанции», что снимет свою кандидатуру из списка представленных к награждению, если в этот список не будет включен Владимир Иванович Любченко. Ультиматум Примакова возымел действие. Партийные чиновники, не желая скандала, вынуждены были удовлетворить законное требование Евгения Максимовича. Любченко заслуженно стал одним из лауреатов Госпремии.

К тому времени ни Любченко, ни сам Примаков уже не работали в ИМЭМО. Еще в декабре 1977 г. Е.М. Примаков постановлением Президиума Академии наук СССР был назначен директором Института востоковедения³.

¹ Из воспоминаний О.Н. Быкова.

² Сам Иноземцев, хотя и руководил многими ситанализами, тем не менее не включил себя в список кандидатов на получение Госпремии. Он был удостоен этой премии еще в 1977 г. за «Политическую экономию». По существовавшим тогда правилам, одному и тому же человеку Ленинская или Государственная премия могла быть присуждена не ранее, чем по истечении пяти лет со времени получения предыдущей аналогичной награды. Вторично Н.Н. Иноземцев будет отмечен Государственной премией СССР в 1983 г. (посмертно) за вклад в подготовку 12-томного труда «История Второй мировой войны 1939–1945».

³ Переходя на работу в Институт востоковедения, Е.М. Примаков взял с собой В.И. Любченко, который продолжил там свои исследования, начатые в ИМЭМО. В ноябре 1985 г. Примаков вернется в ИМЭМО в качестве директора Института и проработает в этой должности до 10 июня 1989 г., когда будет избран Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР.

А за год до этого случилась история, которая до сих пор остается не проясненной. В свое время она оживленно обсуждалась в «кулуарах» ИМЭМО, но не получила какого-либо официального подтверждения. Поэтому изложить ее можно только в той версии, в которой она сохранилась в памяти ветеранов Института.

В конце 1976 г. Е.М. Примаков получил неожиданное приглашение от Генерального директора ТАСС Л.М. Замятина занять место его первого заместителя. Сам Замятин в это время готовился перейти на работу в ЦК КПСС в качестве заведующего создаваемого им нового отдела. На недавно завершившемся XXV съезде партии он был избран в Центральный Комитет и был допущен в круг ближайших сотрудников Л.И. Брежнева.

Перед Примаковым открывалась реальная перспектива стать преемником Замятина в ТАСС. По всей видимости, Евгений Максимович дал согласие на предложение Замятина. Во всяком случае, в конце 1976 г. в ИМЭМО открыто говорили о предстоящем уходе Примакова, как о деле решенном, а кое-кто уже поздравлял его с высоким назначением.

Но предрешенное, казалось бы, назначение так и не состоялось, породив в Институте слухи о конфликте Примакова с Иноземцевым. Николай Николаевич, явно не одоблив намерения своего заместителя, сумел воспрепятствовать его переходу в ТАСС¹.

До сих пор Евгений Максимович отказывается комментировать эту давнюю историю, неизменно подчеркивая свое уважение к памяти Иноземцева. Именно Иноземцева он называет человеком, которому в наибольшей степени обязан своей академической карьерой².

Действительно, при поддержке Иноземцева Е.М. Примаков в начале 70-х годов был избран членом-корреспондентом АН СССР. Независимо от того, какова в действительности была роль Иноземцева в истории с несостоявшимся переходом Примакова в ТАСС, в декабре 1977 г. Николай Николаевич не препятствовал его переходу в Институт востоковедения АН СССР, а два года спустя, поддержал кандидатуру Примакова при избрании в действительные члены Академии наук СССР. Между ними сохранялись самые добрые отношения до конца внезапно оборвавшейся в 1982 г. жизни Н.Н. Иноземцева.

С переходом Е.М. Примакова в Институт востоковедения практика «мозговых атак» в ИМЭМО была продолжена. Преемником Примакова в качестве руководителя ситанализов по международно-политической проблематике в Институте стал Олег Николаевич Быков, назначенный в 1977 г. заместителем директора ИМЭМО.

¹ В «кулуарах» Института тогда говорили, будто Иноземцев прибегнул к помощи кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева, который сумел дезавуировать уже завизированный секретарем ЦК М.В. Зимяниным проект решения Политбюро о переходе Примакова в ТАСС.

² Запись беседы с Е.М. Примаковым 12 ноября 2002 г. В отношении к Иноземцеву проявляется все та же «тифлисская закалка» характера Примакова, верного дружбе и друзьям — живым и ушедшим.

Координация исследований и международные связи

В 1971 г. решением директивных инстанций ИМЭМО стал в СССР головной организацией в изучении экономических и политических проблем современного капитализма (т.е. всего несоциалистического мира), что свидетельствовало об официальном признании ведущей роли Института в научных исследованиях на этом направлении. На ИМЭМО были возложены функции координатора исследований, проводившихся в академических институтах международного профиля — Институте США и Канады (ИСКАН), Институте Африки, Институте международного рабочего движения (ИМРД), Институте Дальнего Востока, Институте востоковедения и Институте Европы, который будет организован в 1987 г. Все эти институты в 80-е годы войдут в Отделение проблем мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, выделившееся из Отделения экономики.

Сотрудники ИМЭМО возглавили работу нескольких научных советов в системе АН СССР, в частности: совета по экономическому соревнованию двух систем (председатель академик А.М. Румянцев, заместитель председателя член-корреспондент АН СССР А.Г. Милейковский) и совета по экономическим и политическим проблемам развивающихся стран (председатель член-корреспондент АН СССР В.Л. Тягушенко, а после его смерти в 1975 г. — Е.М. Примаков). Руководителями секций в этих советах были также сотрудники ИМЭМО — будущий академик Р.М. Энтов, доктора наук М.М. Максимова, В.М. Кудров, Г.Е. Скоров, Р.М. Аваков и др.

В качестве координатора научных исследований ИМЭМО выступал инициатором и участником симпозиумов, научных конференций и семинаров, проводимых государственными и научными учреждениями. Так, в 1974 г., совместно с ИСКАН АН СССР, ИМЭМО организовал и провел теоретические конференции по проблемам: «Новые явления в теории и практике управления в США», «Современная фаза цикла и экономическое положение США» и принял участие в организованном в ИСКАН ситуационном анализе «Атлантические отношения на современном этапе».

В том же году отдел перспектив экономического развития капиталистических стран и соревнования двух систем ИМЭМО принял участие в конференции «Хозрасчетные методы повышения эффективности вложений в развитие производства» (г. Таллин), во Всесоюзной конференции по использованию межотраслевых балансов в планировании (г. Ереван).

Отдел экономики и политики развивающихся стран в 1974 г. принимал участие во Всесоюзной конференции по проблеме «Накопление капитала и экономический рост развивающихся стран», в дискуссии о проблемах некапиталистического развития стран Третьего мира, организованной Институтом Африки АН СССР, во 2-й Всесоюзной конференции африканистов и во Всесоюзной конференции «Идеологическая борьба и национальные отношения (г. Ашхабад), в конференции «Бюрократия и этакратия в Третьем мире, в симпозиуме «Уроки Чили и новые явления в мировом революционном движении», в науч-

ной конференции «Накопление и экономическое развитие стран Третьего мира, в научной конференции «Национально-освободительная борьба в странах Третьего мира (г. Баку)¹.

В рамках созданного в Институте Совета координации ИМЭМО установил и поддерживал постоянные научные контакты с высшими учебными заведениями СССР, такими как: МГИМО МИД СССР, МГУ, Институт народного хозяйства, Московский финансовый институт, Ленинградский, Тбилисский и Ростовский государственные университеты, Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина и др. Сотрудничество с вузами осуществлялось по следующим направлениям:

- выступление ученых ИМЭМО с курсами лекций и проведение консультаций для профессорско-преподавательского состава;
- преподавание ведущих ученых Института в вузах г. Москвы на условиях штатного совместительства;
- стажировка профессоров и преподавателей вузов в ИМЭМО;
- участие вузовских профессоров в работе Ученых советов ИМЭМО;
- приглашение работников вузов на научные дискуссии, конференции и ситуационные анализы, проводившиеся в Институте;
- осуществление научного руководства преддипломной практикой и написанием дипломных работ выпускников московских вузов.

Некоторые из дипломников, проходивших практику в ИМЭМО и проявивших способности к научной работе, впоследствии зачислялись в штат Института или принимались в аспирантуру. Работать в ИМЭМО в 70—80-е годы было так же престижно, как и в 60-е. Соответственно, и попасть туда было далеко не просто.

Постоянное увеличение объема научных исследований, проводимых в ИМЭМО, создавало необходимость их координации внутри самого Института. Роль основного координатора НИР выполняла Дирекция ИМЭМО. Координация осуществлялась на двух этапах — планирования и непосредственного проведения исследований. Задачи же повседневной координации НИР возлагались на руководителей научных направлений, обозначенных в государственном плане. Организацией этой работы занимались Ученые советы, специальные координационные и научно-методические советы (например, по проблемам международных экономических отношений или по применению математических методов), наконец, сектора и специальные межотдельские проблемные группы.

В Институте был создан научно-методический совет по применению математических методов во главе с д.э.н. Е.М. Четыркиным. В этом совете были представлены все математические подразделения Института. Совет занялся координацией деятельности этих подразделений по разработке методов исследования социально-политических, экономических, научно-технических, военных и других проблем. На нем обсуждались выполненные в различных математических подразделениях работы. На Е.М. Четыркина и его коллег была возложена обязанность организовать выпуск серии сборников научных работ

¹Материалы о работе ИМЭМО АН СССР за 1970–1974 годы // Архив ИМЭМО РАН.

под общим названием: «Математические методы в экономике и международных отношениях». Уже к 1975 г. было издано пять выпусков этого сборника. «Совет Четыркина» регулярно проводил в подмосковном Марфино математические школы, где в течение двух–трех недель молодые (и не только молодые) математики-экономисты повышали свою квалификацию. На этом же совете обсуждались диссертации, связанные с использованием математических методов в экономических и международно-политических исследованиях.

В ноябре 1973 г. в ИМЭМО был создан Координационный совет по проблемам международных экономических отношений во главе с Е.М. Примаковым. Перед этим советом была поставлена задача согласования основных направлений исследований проблем внешнеэкономических связей СССР, проводившихся пятью подразделениями Института: отделом внешнеэкономических проблем капитализма; отделом экономики и политики развивающихся стран; отделом США; отделом стран Западной Европы; сектором Японии.

«Совет Примакова» занялся разработкой методологических аспектов изучения новых явлений во всемирном хозяйстве и в международных экономических отношениях, а также координацией проводившихся в соответствующих отделах конкретных исследований и инициативных записок для директивных органов.

На протяжении 70-х годов в Институте создавались и другие координационные советы, в частности, по актуальным проблемам развития экономики, промышленности и строительства ведущих стран Запада, по комплексному исследованию так называемых «малых стран» Западной Европы и др.

По ряду проблем координационные функции были возложены на отдельные научные подразделения, тематика исследований которых тесно переплеталась с другими подразделениями.

Так, сектор (впоследствии отдел) общих проблем империализма и критики буржуазных экономических теорий (руководитель А.Г. Милейковский) был определен в качестве головной организации в своей области. Одной из форм его сотрудничества с другими подразделениями Института стало выдвижение предложений по научным темам, разрабатывавшимся совместно с другими отделами и секторами, и практическая организация исследований по этим темам.

На созданный в 1973 г. при Дирекции сектор сводного прогнозирования (руководитель Л.М. Громов) были возложены задачи разработки программ и методологии экономического и социально-политического прогноза развития капиталистических стран, а также контроля и координации работ по экономическому прогнозированию.

Для решения конкретных, наиболее актуальных проблем в Институте создавались межсекторские и межотдельские проблемные группы. Как правило, продолжительность их существования определялась сроками выполнения того или иного исследовательского проекта.

Усилиями именно такой межотдельской группы в течение одного года (1974) была подготовлена монография «Энергетический кризис в капиталистическом мире» (руководитель авторского коллектива Е.М. Примаков).

По предложению Н.Н. Иноземцева в Институте было создано и работало несколько такого рода групп по изучению комплекса так называемых глобальных

проблем: по сырьевым ресурсам (Р. Симонян), охране окружающей среды (Р. Новиков), продовольственной проблеме (В. Мартынов), ресурсам Океана и морского дна (Л. Любимов), проблеме ликвидации бедности и нищеты в развивающихся странах (В. Рымалов), проблеме человека (Г. Дилигенский), методологии исследования глобальных проблем (М. Максимова). Итогом работы этих групп явилась коллективная монография «Глобальные проблемы современности» (ответственный редактор Н.Н. Иноземцев, 1980 г.) — одно из первых в СССР фундаментальных исследований по глобальной проблематике. Книга была переведена на многие языки и получила высокую оценку международной научной общественности.

На основе изучения мирового опыта решения глобальных проблем были подготовлены десятки аналитических записок и рекомендаций для директивных органов. Благодаря деятельности всех этих групп была заложена теоретическая база для последующих исследований природы и сущности процессов глобализации в современном мире.

В рамках отдела международных отношений в течение двух лет (1974 — 1976) под руководством д.и.н. Д.М. Проэктора действовала межсекторская группа по изучению проблем европейской безопасности и сотрудничества. Группа была создана «под общеевропейское совещание», завершившееся подписанием в 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта о принципах безопасности и сотрудничества в Европе. Сотрудники «группы Проэктора» подготовили целый ряд научных разработок для директивных органов и для советской делегации на СБСЕ¹. Итогом работы этой группы стала публикация в 1976 г. монографии «Европейская безопасность и сотрудничество: предпосылки, проблемы, перспективы», после чего группа была расформирована, а ее сотрудники (в том числе и автор настоящей книги) были распределены по различным секторам отдела международных отношений.

В марте 1973 г. в ИМЭМО в порядке эксперимента была введена новая система оплаты труда, позволившая более дифференцированно оценивать вклад каждого научного сотрудника в проводимые исследования.

В то время практически во всех научно-исследовательских институтах СССР действовала двухступенчатая система, предполагавшая только две (без учета должностей заведующего сектором/отделом) должностные категории — младшего и старшего научного сотрудника. Оклады в рамках каждой категории были одинаковыми для всех, независимо от реального участия в научных исследованиях, вклада и полученных результатов. Разница определялась лишь наличием ученой степени: с.н.с., кандидат наук до выхода на пенсию получал «свои» 300 рублей, а с.н.с., доктор наук — 400.

Сумев получить ученую степень и соответствующее ученое звание, можно было всю оставшуюся жизнь особо не утруждать себя утомительными научными изысканиями. Все здесь зависело исключительно от личных качеств научного работника, и, в первую очередь, от его порядочности и интереса к своей профессии. Подобная система, принятая еще в довоенные времена,

¹ СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившее в три этапа — с 3 июля 1973 г. по 1 августа 1975 г.

полностью отвечала уравнильным принципам, определявшим функционирование социалистического общества в СССР.

Несправедливость, а главное — неэффективность этой системы со временем начали сознавать и «наверху», где проявляли растущую озабоченность недостаточной результативностью научных исследований, на которые выделялись немалые средства. ИМЭМО, всегда отличавшийся прогрессивной направленностью, и здесь выступил со смелой инициативой — пересмотреть изжившую себя систему оплаты труда научного работника.

Академик Н.Н. Иноземцев взялся провести в своем Институте эксперимент, возможные результаты которого не были заранее очевидны ни ему самому, ни, тем более, научному коллективу ИМЭМО. В ЦК КПСС инициативу Иноземцева поддержали.

7 сентября 1972 г. было принято Постановление № 242 Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы «О введении в порядке эксперимента новой системы оплаты труда научных работников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР». А 17 ноября того же года распоряжением Президиума АН СССР за № 37-1594 ИМЭМО получил конкретные указания о порядке введения новых условий оплаты труда.

Основным принципом, положенным в основу новой системы заработной платы, становилась более дифференцированная оплата труда, в зависимости от объема и сложности выполняемой работы, от реального вклада каждого научного сотрудника в выполнение задач, стоящих перед Институтом.

Вместо одной должности младшего научного сотрудника вводилось две — младший научный сотрудник (зарплата от 105 до 160 руб.) и научный сотрудник (160–220 руб.); вместо должности старшего научного сотрудника — старший исследователь (200–350 руб.), ведущий исследователь (300–400 руб.), главный исследователь — руководитель группы (350–450 руб.). Зарботная плата заведующего сектором колебалась от 350 до 500 руб., а у заведующего отделом — от 400 до 500 руб.

Должность определялась в зависимости от оценки квалификации работника, сложности и объема выполняемой им научной и научно-организационной работы, а размер должностного оклада устанавливался методом балльной оценки конкретных видов работы, определяемой системой критериев, разработанной в ИМЭМО. Эти критерии были выбраны с учетом специфики каждой должностной категории и таким образом, чтобы материально стимулировать совершенствование научно-исследовательской работы в приоритетных направлениях научных исследований, проводимых в Институте.

Приказом директора от 29 ноября 1972 г. были сформированы четыре отраслевые и одна Центральная аттестационные комиссии. Рекомендации этих комиссий утверждались Учеными советами Института тайным голосованием.

Еще до начала работы аттестационных комиссий 34 научных сотрудника (в том числе 4 доктора и 15 кандидатов наук) подали заявления об уходе из Института. Как правило, это были люди, не уверенные в положительном для себя

исходе переезда. Остальные 552 сотрудника благополучно прошли через процедуру переезда (184-м из них оклады были повышены)¹.

Новая система позволила ликвидировать существовавшую ранее неравномерность в оплате труда научных сотрудников и механизм автоматического повышения должностных окладов в связи с присвоением ученой степени или изменением статуса научно-педагогической работы. Одновременно она стала в большей степени стимулировать активность и инициативность научных сотрудников в выполнении плановых и внеплановых работ².

Эксперимент был признан успешным, и через несколько лет правительственным постановлением новая система оплаты труда была введена во всех институтах Академии наук СССР.

В 1975 г. Н.Н. Иноземцеву удалось добиться распространения на ИМЭМО доплаты к ежемесячному жалованию научного сотрудника за знание и использование в работе иностранных языков.

12 августа 1974 года г. Н.Н. Иноземцев обратился с соответствующим письмом в ЦК КПСС. В нем говорилось:

«Учитывая задачи, возложенные на Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР рядом решений ЦК КПСС, а также характер выполняемых Институтом заданий, просим разрешить ввести для научных сотрудников Института надбавку к основной заработной плате за знание и применение иностранных языков. Такая надбавка введена в ряде Институты Академии наук СССР — Институте США, Институте Дальнего Востока, Институте научной информации по общественным наукам, Институте экономики мировой социалистической системы»³.

Его обращение было удовлетворено, и научные сотрудники ИМЭМО, по результатам экзаменов на кафедре иностранных языков АН СССР, начиная с 1975 г., стали получать процентные надбавки за иностранные языки (10% к должностному окладу за один язык и 20% за два)⁴.

Важное место в деятельности ИМЭМО занимали международные связи — научные и общественно-политические.

Сотрудничество ИМЭМО с аналогичными академическими (и мидовскими) институтами социалистических стран, налаженное еще в начале 60-х го-

¹ Материалы о работе ИМЭМО АН СССР за 1970-1974 гг. // Архив ИМЭМО РАН.

² Следует отметить, что в принятую новую систему оценок научной работы был включен и сугубо политический критерий — «участие в общественной работе». Это позволяло искусственно (и не всегда оправданно) завышать зарплату профессиональным «общественникам», годами заседавшим в парткоме, месткоме, комитете ВЛКСМ и в первичных ячейках этих и других организаций (агитбригады, добровольные народные дружины и т.д.). При этом многие из «общественников» не могли предъявить реальных достижений в собственно научной работе.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 152. Л. 70.

⁴ При этом размер надбавки не мог превышать 50 рублей. Знание одного восточного языка приравнивалось к двум западным (английскому, французскому, немецкому и т.д.).

дов, развивалось в рамках многосторонних Постоянных и Проблемных комиссий.

Первой из них еще в 1961 г. была создана Постоянная комиссия по вопросам европейской безопасности. Поначалу она объединила ученых-международников из четырех стран — СССР, ГДР, Чехословакии и Польши, а впоследствии расширилась за счет представителей институтов международного профиля из Венгрии и Болгарии. В работе Постоянной комиссии на правах ассоциированных членов участвовали ученые-европеисты из Румынии и Югославии. На периодических заседаниях комиссии, поочередно проводившихся в столицах стран-участниц, обсуждались актуальные вопросы европейской безопасности и сотрудничества, возможности созыва СБСЕ, а после успешного завершения его работы в 1975 г. — пути и средства реализации хельсинкских договоренностей. Начиная с 1972 г., комиссия издавала Бюллетень, на страницах которого обсуждались различные аспекты проблемы европейской безопасности, и давалась информация о текущей работе в этой области входящих в комиссию научных учреждений. Самое активное участие в работе Постоянной комиссии и в издании ее Бюллетеня с самого начала принимали представители ИМЭМО¹.

Успешно действовала другая многосторонняя комиссия, созданная в середине 60-х годов по инициативе ИМЭМО, — Проблемная комиссия по исследованию современного капитализма. В ее работе принимали участие экономисты-международники из всех социалистических стран, публиковавшие материалы своих регулярных заседаний в Информационном бюллетене. С середины 70-х годов в рамках этой комиссии были налажены совместные исследования по теме: «Научно-техническая революция и экономические и социальные противоречия капитализма на современном этапе».

В конце 60-х годов была сформирована многосторонняя Рабочая группа по проблемам международной экономической интеграции в составе ученых Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии. На ежегодных встречах (поочередно в каждой из стран-участниц) наряду с теоретическими аспектами обсуждались актуальные проблемы деятельности Европейских сообществ (ныне — Евросоюз) и вопросы международного экономического сотрудничества. По итогам работы было издано пять коллективных монографий. За труд «Западноевропейская интеграция и мировая экономика» коллектив авторов был удостоен Международной премии Академий наук социалистических стран «за выдающиеся исследования в области общественных наук» (с советской стороны — М.М.Максимова и Ю.В.Шишков). В рамках Рабочей группы, и это важно отметить, выработывалась конструктивная позиция в вопросе об установлении официальных отношений СССР и других стран СЭВ с Европейскими сообществами, о чем участники ре-¹

¹См. например: *Пономарев Г., Черкасов П.* (СССР — ИМЭМО). Некоторые аспекты политической борьбы за Общевропейское совещание // Постоянная комиссия научно-исследовательских учреждений НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР по вопросам европейской безопасности. Бюллетень № 1. Варшава. Март 1972. С. 109–145.

гулярно информировали соответствующие инстанции в своих странах. К сожалению, потребовалось более десятилетия, прежде чем страны СЭВ и ЕС смогли принять Совместную декларацию о взаимном дипломатическом признании и заключить двусторонние соглашения о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве (СССР был последним — 18 декабря 1989 г.).

В феврале 1975 г. в Москве состоялось Учредительное заседание Проблемной комиссии «Экономика и политика развивающихся стран», в которую вошли представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Польши, Румынии, Чехословакии и СССР. Председателем Проблемной комиссии был избран представитель ИМЭМО член-корреспондент АН СССР В.Л. Тягуненко. В рамках этой комиссии были созданы четыре подкомиссии. Руководство работой одной из них — «Комплексные проблемы развивающихся стран» — также было возложено на ИМЭМО.

Тесное сотрудничество ИМЭМО с экономистами и международниками государств социалистического блока осуществлялось и по другим направлениям в изучении мирового хозяйства и мировой политики.

Принципиально важное значение в условиях продолжавшейся холодной войны имело налаживание и развитие контактов ИМЭМО с аналогичными ему западными научно-исследовательскими центрами, часть из которых имела тесные связи с правительствами своих стран. Для советской стороны эти контакты были ценным источником информации о настроениях и существующих подходах на Западе к отношениям с СССР и к решению тех или иных международных проблем. Научные контакты оказывали также определенную помощь советской дипломатии, действовавшей в формальных, зачастую слишком узких, рамках.

По тем же самым соображениям, связи с ИМЭМО представляли очевидный интерес для его западных партнеров. Лорд Роупер, проработавший долгое время в Королевском институте международных отношений Великобритании («Чатам Хаус»), на вопрос о том, почему англичане в середине 70-х годов избрали своим партнером именно ИМЭМО, ответил: *«Прежде всего, потому что ИМЭМО был самым авторитетным советским аналогом британского «Чатам Хаус». К тому же, мы знали, что ИМЭМО тесно связан с правительственными сферами, в частности с Центральным Комитетом и с Министерством иностранных дел СССР. Мы знали также, что ИМЭМО не привержен жесткой линии, что там серьезно размышляют над интересующими нас всех вопросами»*¹.

Первый контакт между ИМЭМО и «Чатам Хаус» имел место еще в 1958 г., когда в Лондоне побывал А.А. Арзумян, посетивший также Лондонский институт стратегических исследований. Но вплоть до 1975 г. британские связи ИМЭМО носили эпизодический характер, когда в Англию направлялись отдельные исследователи с индивидуальными научными проектами.

Все изменилось после официального визита в СССР в феврале 1975 г. премьер-министра Великобритании Г. Вильсона и министра иностранных дел Дж. Каллагэна, когда, среди прочего, был подписан протокол об организации регулярных встреч «за круглым столом» представителей общественности

¹ Запись беседы В.Г. Барановского и П.П. Черкасова с лордом Джоном Роупером, состоявшейся во время встречи в Москве в феврале 2003 г.

двух стран. От английской стороны ответственным за проведение этих встреч был назначен Королевский институт международных отношений, а от советской стороны — ИМЭМО. Уже в октябре того же года в Лондоне прошло первое заседание советско-британского «круглого стола». Сопредседателями этого заседания были академик Н.Н. Иноземцев и видный британский дипломат сэр Хэмфри Тревельян, бывший посол Великобритании в Москве (1962–1965 гг.).

На следующий год заседания «круглого стола» проходили в Лондоне. Английскую делегацию возглавлял директор «Чатам Хаус» Эндрю Шенфилд, советскую — Н.Н. Иноземцев. В дальнейшем такого рода заседания, на которых обсуждались наиболее актуальные проблемы международных и двусторонних (советско-британских) отношений, созывались поочередно в обеих столицах.

С советской стороны, помимо ведущих сотрудников ИМЭМО, а также Института США и Канады, в них принимали участие представители Международного отдела ЦК КПСС, МИД и Министерства обороны СССР. Практика «круглых столов» продолжалась и на протяжении 80-х годов. Она способствовала установлению большего доверия и лучшего взаимопонимания между научно-политическими элитами двух стран. Это было тем более важно, что очень долго между СССР и Западом вообще не существовало никаких контактов, кроме формально-официальных.

Англичане, как и другие западные партнеры ИМЭМО, прекрасно понимали, что их советские коллеги обязаны пропагандировать внешнеполитические установки и инициативы партийно-государственного руководства СССР. Пропагандистский элемент неизменно присутствовал в выступлениях советских участников «круглых столов», но это не отпугивало их западных партнеров. Для последних было важно прежде всего установить неформальные пути и средства общения, найти общий язык с представителями советской интеллектуальной элиты, обрести взаимное понимание в подходах к важнейшим проблемам современного мира.

Лорд Роупер вспоминает, что такое взаимопонимание возникло не сразу. Первый советско-британский «круглый стол» в октябре 1975 г. прошел достаточно формально. Ощущалась взаимная настороженность и даже некоторое недоверие. Однако на последующих встречах «лед недоверия» был растоплен, и между советскими и британскими собеседниками начался содержательный и полезный для обеих сторон профессиональный диалог. Лорд Роупер вспоминает, что разъяснения и комментарии советских коллег, даже при наличии в них очевидной пропагандистской нагрузки, тем не менее, помогали лучшему пониманию внешней политики СССР. Одновременно, как полагали англичане, и у их московских партнеров формировалось более адекватное представление о политике Запада. Оставалось надеяться, что эти более объективные оценки будут доведены Иноземцевым и его коллегами из ИМЭМО до сведения высшего советского руководства. Главный же смысл этих встреч «за круглым столом» для английской стороны, по мнению Джона Роупера, заключался в попытках *«установления диалога с элементами граж-*

данского общества» в Советском Союзе. Эти попытки он считает в целом успешными¹.

Подход к сотрудничеству, присущий британскому «Чатам Хаус», был характерен и для других западных партнеров ИМЭМО.

Отношения тесного сотрудничества с начала 70-х годов ИМЭМО поддерживал с влиятельным Германским обществом внешней политики, руководитель которого (профессор Карл Карстенс) в мае 1979 г. был избран президентом ФРГ. На протяжении двух десятилетий между ИМЭМО и боннским научным центром, который после Карстенса долгое время возглавлял профессор Карл Кайзер, регулярно проходили заседания «за круглым столом», аналогичные советско-британским².

Не менее интенсивные связи ИМЭМО установил с научными центрами Франции — Национальным фондом политических наук, Центром исследований международных отношений³, Институтом стратегических исследований⁴ и близким к МИД Французским институтом международных отношений (ИФРИ). С последним была налажена практика регулярных обсуждений различных международных проблем. Французскую делегацию на встречах с представителями ИМЭМО обычно возглавлял директор ИФРИ Тьерри де Монбриаль.

В 70-е годы в ИМЭМО приезжала ведущий французский советолог и историк-русист профессор Элен Каррер д'Анкосс⁵. В 90-е годы она будет избрана во Французскую академию, а затем станет ее Постоянным секретарем, т.е. пожизненным главой.

¹ Запись беседы В.Г. Барановского и П.П. Черкасова с лордом Джоном Роупером, состоявшейся во время встречи в Москве в феврале 2003 г.

² От германской стороны в этих регулярных встречах, наряду с учеными-международниками, принимали участие видные политические и военные деятели, в частности генерал фон Кильманзег, бывший главнокомандующий войсками НАТО в Центральной Европе.

³ Руководитель этого Центра профессор Ги Мериа неоднократно бывал в ИМЭМО. Однажды вместо него делегацию французских международников возглавлял Жан Лалуа, видный дипломат, директор департамента МИД Франции.

⁴ Директор этого института генерал Боффер в 1971 г. выступил в ИМЭМО с лекцией по международным стратегическим проблемам. В 1956 г., в период Суэцкого кризиса, генерал Боффер командовал франко-английским экспедиционным корпусом в районе Порт-Саида.

⁵ Профессиональный интерес Элен Каррер д'Анкосс к России в значительной степени вызван ее российскими корнями. Среди ее русских предков — графы Панины, Орловы и Палены. В 1979 г. советские власти внесли профессора Э. Каррер д'Анкосс в «черные списки» и закрыли ей въезд в СССР. Причиной послужила ее ставшая знаменитой, книга «Фухнувшая империя», где предрекался распад СССР, который, по мнению французского автора, должен был начаться с возрождения ислама и выхода из Советского Союза среднеазиатских республик. См.: Carre' re d' Encausse. He 'le' ne. L'Empire e'clate'. Paris. 1978. Запрет на въезд Элен Каррер д'Анкосс в Россию будет снят лишь после крушения советского режима. В 2003 г. Постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкосс была избрана иностранным членом Российской академии наук в знак признания ее весомого вклада в изучение истории России XVIII–XX веков.

В ИМЭМО принимают делегацию Германского общества внешней политики (ФРГ)

Академик Н.Н. Иноземцев на международной конференции

С началом процесса разрядки и улучшения советско-американских отношений у ИМЭМО появилась возможность установления контактов с ведущими научными центрами США. Особое место среди них занимал Стэнфордский исследовательский институт (SRY), проявивший инициативу в налаживании связей с ИМЭМО и ИСКАНОм. В то время все контакты такого рода должны были предварительно санкционироваться в Инстанции, т.е. в Политбюро ЦК КПСС.

2 октября 1972 г. директор ИМЭМО Н.Н. Иноземцев и директор Института США АН СССР Г.А. Арбатов обратились в ЦК с письмом, в котором, в частности, говорилось:

«Стэнфордский исследовательский институт, являющийся одной из самых крупных научно-исследовательских организаций США, тесно связанных с нынешней администрацией, обратился с предложением провести советско-американский симпозиум для обсуждения перспектив возможных сфер сотрудничества в советско-американских отношениях, а также ряда других политических, экономических и стратегических международных проблем. С американской стороны в работе симпозиума должен также принять участие Брукингский институт (Вашингтон), который является весьма авторитетным научно-исследовательским центром по вопросам экономики, внешней политики и международных отношений, обслуживающим руководящие политические круги США. <...> Руководство Стэнфордского института считает, что в дальнейшем может быть рассмотрен вопрос о переводе этих встреч на более или менее постоянную основу.

Представляется, что проведение указанных встреч дало бы возможность выяснить взгляды авторитетных американских специалистов по актуальным международным проблемам и перспективам развития советско-американских отношений. Это представляло бы тем больший интерес, что и Стэнфордский и Брукингский институты близки к правительственным кругам США и знакомство с их исследованиями позволит составить более ясное представление о позициях Вашингтона по проблемам, еще находящимся в стадии проработки и подготовки. На таких встречах, учитывая уровень представительства с американской стороны, можно было бы зондировать в предварительном порядке вопросы, представляющие интерес для нашей политики. Одновременно такие встречи могли бы быть использованы для того, чтобы привлечь внимание влиятельной части американских ученых-международников к различным аспектам нашей позиции по целому ряду международных вопросов. Просим рассмотреть»¹.

Инициатива Иноземцева и Арбатова была поддержана в Международном отделе и в отделе науки ЦК, после чего получила «высочайшую» санкцию Политбюро. «Стэнфордский проект» был включен в План научного сотрудничества АН СССР с Национальной академией наук (НАН) США.

Начиная с 1973 г., ИМЭМО, ИСКАН и Стэнфордский исследовательский институт наладили плодотворное сотрудничество, которое было прервано американской стороной в результате советской военной интервенции в Афганистан в декабре 1979 года г. и ссылкой академика А.Д. Сахарова в г. Горький.

Стараниями Иноземцева и Арбатова, поддержанных руководством Академии наук СССР, это сотрудничество было возобновлено. Уже в августе 1980 г. секретарь НАН США по иностранным делам Т. Мэлоун прислан на имя Глав-

¹РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 107. Л. 38–39.

ного ученого секретаря АН СССР академика Г.К. Скрябина телекс следующего содержания:

«Готов начать переговоры по новому межакадемическому соглашению, на которые секретарь по иностранным делам был уполномочен вчера решением Совета НАН. Готов приступить к ним в Амстердаме. Полагаю, был бы очень желательным приезд на Пагуошскую встречу Иноземцева или Быкова для неофициальных дискуссий с профессором Гольдбергером, председателем Комитета НАН по вооружениям. Был бы признателен, если бы мне телеграфировали, по возможности, имена других участников»¹.

В резолюции Совета НАН США, принятой по этому поводу и переданной в Президиум АН СССР, подчеркивалось:

«Центральной проблемой для обеих наших стран является контроль над вооружениями и разоружение. Поэтому, независимо от изложенного выше, Совет будет упорно работать для того, чтобы ученые США и СССР смогли обсудить на своих встречах все технические аспекты этой проблемы»².

Межакадемическое сотрудничество между СССР и США было возобновлено. Возобновились и регулярные встречи между делегациями ИМЭМО и Стэнфордского института. Сотрудничество ИМЭМО со Стэнфордским институтом имело большое значение для обеих сторон и потому, что это были уникальные и авторитетные научные учреждения, и в силу их тесных связей с высшим руководством своих стран, в адрес которого направлялась информация «из первых рук».

Из воспоминаний постоянного участника этих встреч академика Е.М. Примакова:

«<...> Не обходилось без казусов. Так, на нашей встрече в Вашингтоне (другие проходили и в Москве, и в Калифорнии) представители Пентагона чуть ли не заплодировали профессору (впоследствии он заслуженно был избран действительным членом АН СССР) Револьду Михайловичу Энтову, который «разложил по полочкам» и доказал порочность и абсолютную непригодность методики подсчета советского военного бюджета, предложенную специалистами из Эс-эр-ай (Стэнфордского института. — П.Ч.). Оказалось, что за эту методику военное ведомство США заплатило институту кругленькую сумму, — как было не порадоваться военным, когда «ученые-шпаки», получив деньги и, наверное, не раз подчеркнув при этом свою значимость, оказались нокаутированными»³.

¹ Телекс от 13 августа 1980 г. // Там же. Оп. 77. Д. 152. Л. 89.

² Там же. Л. 88.

³ Примаков Евгений. Указ. соч. С. 38. «Торжествовали свою «маленькую победу» и мы, — добавляет Е. Примаков. — Сколько сил было потрачено на то, чтобы Энтова выпустили в США, да еще и в первую его поездку за границу! Хорошо, что в КГБ в то время были толковые руководители

Ученые ИМЭМО принимали самое активное участие в деятельности различных международных общественных форумов, где, среди прочего, обсуждались проблемы разоружения и сокращения вооружений.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Сопоставление методик подсчетов военных бюджетов подводило к началу сокращения вооружений. Большую роль в этом сыграли два движения — Пагуошское и советско-американские Дартмутские встречи. Первое объединяло ученых различных стран, в основном естественников. Особое место в нем занимали физики, в том числе выдающиеся. Много сил отдали этому движению с нашей стороны академики А.В. Топчиев, М.Д. Миллиончиков, Н.Н. Семенов, М.А. Марков, В.И. Гольданский, В.С. Емельянов. В недрах Пагуошского движения формировались общие идеи о смертельной опасности для всего человечества использования ядерного оружия. Участники движения провели расчеты, осуществили моделирование, доказав, что в случае ядерной войны в мире наступит «ядерная зима» — резкое понижение температуры, при котором нет шансов выжить не только людям, но и всему живому.

Немало сделали участники движения для того, чтобы запретить ядерные испытания в атмосфере, приблизиться к мораторию на испытания ядерного оружия во всех сферах.

Что касается Дартмутских встреч, то они регулярно проводились для того, чтобы обговаривать и сближать подходы двух супердержав по вопросам сокращения вооружений, поисков выхода из различных международных конфликтов, создания условий для экономического сотрудничества. Особую роль в организации таких встреч играли два института — ИМЭМО и ИСКАН с нашей стороны, у американцев — группа политологов, отставных руководящих деятелей из госдепартамента, Пентагона, администрации, ЦРУ, действующих банкиров, бизнесменов. Долгое время американскую группу возглавлял Дэвид Рокфеллер, с которым у меня сложились очень теплые отношения. У нас — сначала Н.Н. Иноземцев, а затем Г.А. Арбатов. Активно участвовали в Дартмутских встречах В.В. Журкин, М.А. Мильштейн, Г.И. Морозов. Я вместе с моим партнером Г. Сондерсом — бывшим заместителем госсекретаря США были сопредседателями рабочей группы по конфликтным ситуациям. Нужно сказать, что мы значительно продвинулись в выработке мер нормализации обстановки на Ближнем Востоке. Естественно, что все разработки обе стороны докладывали на самый «верх»¹.

ИМЭМО активно развивал контакты не только на «западном», но и на «восточном» направлениях.

и во втором главке, например В.К. Бояров, к которому я обратился, и он в конце концов решил вопрос. Помогал нам в этом плане и заместитель начальника Управления КГБ по Москве В.И. Новицкий» // Там же.

¹ Примаков Евгений. Указ. соч. С. 38–39.

Из воспоминаний Е.М. Примакова:

«Большой смысл приобрели встречи (организатор с нашей стороны ИМЭМО) с Японским Советом по вопросам безопасности («Ампокен»). В первой половине 70-х годов по предложению бессменного инициатора таких встреч Суэцугу мы с Журкиным были в Токио и договорились о периодичности, составе группы и содержании диалога. Активно, помимо Суэцугу, в нем участвовали с японской стороны профессора Иноки, Саэки и многие другие, пользовавшиеся большим авторитетом в стране, но, может быть, еще важнее — влиятельнейшие фигуры (как и весь «Ампокен» в целом) в правящей Либерально-демократической партии.

Вначале такие ежегодные «круглые столы» напоминали, скорее, разговор глухих. Каждая сторона высказывалась о важности развития отношений между СССР и Японией, но в то же время наши японские коллеги не переставая твердили, что это невозможно без решения вопроса о «северных территориях», а мы с не меньшим упорством отвечали, что такой проблемы не существует.

Но постепенно «лед трогался». Сказывалось, несомненно, и уважительное отношение друг к другу. <...>

Мне представляется, что именно наши встречи заложили основу продвижению в отношениях между двумя странами. Ведь дело не ограничивалось академическими по своему характеру презентациями их участников. Суэцугу делал все, чтобы вывести меня и других на самых крупных политических руководителей Японии. Одним из них был бывший премьер-министр, один из влиятельнейших политиков, Накасонэ...»¹.

С конца 70-х годов у ИМЭМО начали устанавливаться научные контакты с Южной Кореей, в определенном смысле подготовившие почву для последующего налаживания экономических контактов и установления дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея. Впоследствии — в 90-е годы — южнокорейские аспиранты станут самой многочисленной иностранной «диаспорой» в аспирантуре ИМЭМО, где они успешно будут защищать диссертации, в том числе и по современной российской проблематике.

Уже к середине 70-х годов ИМЭМО поддерживал рабочие связи с пятью международными организациями (ЮНИТАР, ЮНИДО, ЮНКТАД, Международная экономическая ассоциация, Международный институт мира в Вене), с 71 национальной организацией в странах Запада² и с 18 научными центрами социалистических стран.

¹ Примаков Евгений. Указ соч. С. 40–41.

² Наиболее крупные из них: Королевский институт международных отношений и Лондонский институт стратегических исследований (Великобритания), Австралийский национальный университет, Королевский институт международных отношений (Бельгия), Институт международных отношений Италии, Индийская экономическая ассоциация, Национальный фонд политических наук, Центр исследований международных отношений и Институт стратегических исследований (Фран-

За период 1970—1975 гг. сотрудники ИМЭМО 752 раза выезжали в зарубежные научные командировки, в том числе: 422 раза — в страны Запада и Третьего мира и 330 — в социалистические страны. Из этого числа поездок 484 были оформлены по линии АН СССР, остальные — по линии ЦК КПСС, МИД СССР, ГКНТ и советских общественных организаций. За этот же период времени (1970–1975) ИМЭМО посетили 1590 иностранных ученых¹, политических и общественных деятелей, дипломатов². Послы иностранных государств в Москве считали своим долгом посещать Институт, встречаться с его руководством, а нередко и выступать перед его сотрудниками.

В 1976–1981 гг. ИМЭМО поддерживал отношения уже со 150 научными центрами социалистических, капиталистических и развивающихся стран³. За этот период в Институте были приняты 2293 иностранных гостя. Общее число заграничных командировок сотрудников ИМЭМО в эти годы составило 955 (более половины из них — в страны Запада)⁴.

Развитию международных связей и укреплению авторитета ИМЭМО за рубежом способствовало введение в штат посольств СССР в ведущих странах Запада представителей Института (точнее — корреспондентов журнала «Мировая экономика и международные отношения»).

Инициатива в этом принадлежала академику Н.Н. Иноземцеву, который 12 августа 1974 г. обратился с соответствующим письмом в ЦК КПСС.

«Считали бы целесообразным, — писал Иноземцев, — ввести с 1 января 1975 года в штаты некоторых совпосольств за рубежом ряд должностей в ранге 1-го или 2-го секретарей с тем, чтобы они были заняты сотрудниками Института в целях сбора информации по текущему и перспектив-

ция), Финский институт международных отношений, Международный институт исследований проблем мира — СИПРИ (Стокгольм), Женевский институт высших международных исследований, Германское общество внешней политики в Бонне, Гамбургский институт политики и экономики, Международная организация по исследованиям и научному обмену –АЙРЕКС (США), Американский Совет научных обществ, Стэнфордский исследовательский институт, Гарвардский университет, Пенсильванский университет, Американская ассоциация экономических исследований в сельском хозяйстве, Национальное бюро экономических исследований (США), Совет по проблемам национальной безопасности, Институт международных отношений в Токио, Ассоциация японских экономистов-марксистов, Токийский университет, Университет Киото (Япония) и др.

¹ Интересные воспоминания о встречах с крупными американскими учеными-экономистами, бывавшими в ИМЭМО, оставил ветеран Института, доктор экономических наук А.В. Аникин. См. его книгу: *Аникин А.В.* Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М., 1995.

² Сотрудничество ИМЭМО с институтами и научными центрами капиталистических стран; Научные центры социалистических стран, с которыми ИМЭМО поддерживает наиболее тесные контакты; Выезды сотрудников ИМЭМО за границу за 1970–1975 гг.; Сведения о приеме иностранных ученых в ИМЭМО АН СССР за 1970–1975 гг. // Архив ИМЭМО РАН.

³ О работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и положении с кадрами. Справка от 13 мая 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН.

⁴ Подсчитано по ежегодным отчетам о работе ИМЭМО АН СССР за 1976–1981 гг. // Там же.

ному состоянию экономики и политики соответствующих стран, обеспечения связей с научно-исследовательскими центрами, различными политическими и общественными деятелями и организациями, а также для направления в Институт необходимой литературы и других материалов. Такие должности общим количеством 6 единиц мы просили бы создать в совпосольствах в США, Англии, Франции, ФРГ, Японии и КНР.

Практика подобной работы сотрудников научно-исследовательских институтов в штатах посольств имеется (например, в Институте США Академии наук СССР и Научно-исследовательском конъюнктурном институте МВТ СССР) и полностью себя оправдала. Просим рассмотреть»¹.

Иноземцев в ЦК поддержали, хотя заявленный им перечень был там скорректирован². В скором времени в Лондон, Париж, Бонн и Токио отправились представители ИМЭМО, получившие должности первых секретарей советских посольств в Англии, Франции, ФРГ и Японии.

Надо сказать, что в ряде случаев к посланцам ИМЭМО первоначально отнеслись настороженно, причем, не только компетентные службы соответствующих государств, но и коллегии по посольству. И те, и другие, видимо, предполагали в новоиспеченных дипломатах-корреспондентах журнала «МЭ и МО» «засланных казачков» или в лучшем случае «совместителей» по линии КГБ. Постепенно недоверие исчезло, когда стало ясно, что эти люди действительно представляют только ИМЭМО. В журнале «МЭ и МО» регулярно появлялись их статьи, обзоры и рецензии. Именно на них были возложены обязанности по организации двусторонних коллоквиумов, симпозиумов и «круглых столов» с участием сотрудников ИМЭМО. Они же пополняли институтскую библиотеку книжно-журнальными новинками из стран пребывания. В целом работа «резидентов ИМЭМО» была очень плодотворной и полезной для Института.

* * *

Можно с полным основанием утверждать, что в 70-е годы ИМЭМО переживал свой «золотой век». Институт по праву считался ведущим советским «мозговым центром» в области мировой экономики и политики. Он вел активную и широкую исследовательскую и просветительскую работу. Только за период 1976–1980 гг. ИМЭМО выпустил 164 коллективные и индивидуальные монографии (более чем по 30 книг ежегодно). А за один только 1981 г. учеными Института было опубликовано 48 книг общим объемом 780 печатных листов. За период 1976–1981 гг. в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, МИД, Министерство обороны, Госплан, ГКНТ,

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 152. Л. 70.

² Поскольку в Вашингтон должен был отправиться представитель ИСКАН В. Бережков, в ЦК КПСС не сочли нужным выделять дополнительную должность для «эмиссара» ИМЭМО в США. В Пекин же, видимо, предполагалось направить представителя Института Дальнего Востока АН СССР.

В читальном зале библиотеки ИМЭМО

МВТ и Президиум АН СССР Институтом было направлено 442 материала (аналитические и информационные записки и доклады). Разработки, подготовленные в ИМЭМО, вошли в директивные документы XXV (1976) и XXVI (1981) съездов КПСС, а также ряда пленумов ЦК.

15 сотрудников ИМЭМО в 1976–1980 гг. были удостоены звания лауреатов Государственной премии СССР; 10 сотрудников были получили правительственные награды; трем ученым присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». В 1979 и 1980 гг. ИМЭМО получал переходящее Красное Знамя «Победителя во Всесоюзном социалистическом соревновании научных учреждений АН СССР и союзных республик».

Численность Института выросла с 739 человек в январе 1973 г. до 979 сотрудников на конец 1981 г.¹ Н.Н. Иноземцев добился завершения весной 1978 г. «долгостроя» — нового 21-этажного здания Института на Профсоюзной улице. Одновременно ему удалось «пробить» в МГК КПСС и Исполкоме Моссовета многоквартирный дом для нуждающихся в улучшении жилищных условий

¹ Среди них: два академика, 77 докторов и 286 кандидатов наук. Из 979 сотрудников 447 были членами КПСС. Средний возраст научных сотрудников (от общего их числа) к началу 1982 г. составлял 40,5 лет. По сравнению с начальным периодом истории Института изменился национальный состав научного коллектива ИМЭМО. Только за семь лет (1975–1982 гг.) доля русских от всего состава увеличилась с 79,4% до 82,0%; украинцев — с 2,2% до 2,8%; доля белорусов сократилась с 1,4% до 1%; армян — с 2,2% до 1,9%; евреев — с 10,2% до 8,7%. Значительное сокращение числа евреев в Институте объяснялось фактическим прекращением, под все более жестким давлением закрытых партийных инструкций, приема на работу еврейской молодежи и естественной «убылью» ветеранов-евреев. (О работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и положении с кадрами. Докладная записка Н.Н. Иноземцева от 13 мая 1982 г.) // Архив ИМЭМО РАН.

Л.И. Брежнев вручает Н.Н. Иноземцеву орден Ленина (1975 г.)

сотрудников ИМЭМО. Несколько десятков человек с семьями, долгие годы и даже десятилетия стоявшие в очереди на жилье, неожиданно получили новые благоустроенные квартиры, причем в непосредственной близости от места работы.

Все это стало возможным вследствие высокого авторитета, которым академик Н.Н. Иноземцев пользовался в директивных инстанциях. Номенклатура хорошо знала о расположении к нему Брежнева¹, для которого Иноземцев писал доклады и выступления, вкладывая в них, по возможности, разумные мысли и предложения, которые, увы, зачастую не могли быть реализованы в условиях прогрессирующего склероза советской системы.

В 1974 г. Иноземцев был избран в Верховный Совет СССР IX созыва и стал членом Комиссии по иностранным делам верхней палаты — Совета Союза. В 1979 г. он подтвердил свои депутатские полномочия в Верховном Совете СССР X созыва. На XXVI съезде (23 февраля — 3 марта 1981 г.) Иноземцев был переведен из кандидатов в члены ЦК КПСС, поднявшись на одну ступень в высшей партийной иерархии. А в апреле того же года академик Н.Н. Иноземцев в третий раз был удостоен ордена Ленина «за заслуги в развитии общественных наук, за активную общественно-политическую деятельность и в связи с 60-летием со дня рождения».

Ничто не предвещало беды...

¹ На рабочем столе Н.Н. Иноземцева в его директорском кабинете находился фотопортрет Л.И. Брежнева с теплой дарственной надписью генсека.